

Восход над деревом Гинкго

Елена
Кондрацкая

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Елена Кондрацкая

Восход над деревом гинкго

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кондрацкая Е.

Восход над деревом гинкго / Е. Кондрацкая — «Эксмо»,
2024 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-199392-4

Когда небо над землями Истока вспорол огонь дракона, жизнь людей и ёкаев изменилась навсегда. Дух проникает в сны Мико и направляет к тем, кому нужна помощь. Райдэн отправляется в заснеженные горы, чтобы вернуть свой клан. Люди и ёкаи проливают кровь на полях сражений. Но ещё никто не знает, что война разбудила нечто ещё более страшное и древнее, чем сама смерть. Эпичное завершение восточной трилогии Елены Кондрацкой «Сны Истока» о девушке, желавшей вернуть сестру домой. Путь Мико подходит к концу, но сможет ли она спасти земли Истока, или ёкаям суждено погибнуть?

В пылу битв и паутине интриг скрылась трепетная любовная линия. Издание дополнено чудесными внутренними иллюстрациями от художницы Eumilth, открыткой от Miojin и рисунками самой Елены Кондрацкой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199392-4

© Кондрацкая Е., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Часть I	7
Глава 1. Ночи истока	8
Глава 2. Дракон в замке	12
Глава 3. Натянутая тетива	16
Глава 4. Слезы Небесного города	21
Глава 5. Стая	27
Глава 6. Песня прощания, песня любви	32
Глава 7. Волчица и Пёс	38
Глава 8. Искра в ладони	41
Глава 9. Нити Истока	47
Глава 10. Новый очаг	52
Глава 11. Глаза в темноте	57
Глава 12. Змеинная шкура	63
Глава 13. Над грозowymi облаками	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Елена Кондрацкая

Восход над деревом гинкго

© Кондрацкая Е. А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Двое уснули.
Над деревом гинкго золотого
Алеет рассвет.*

Часть I

Глава 1. Ночи истока

Мико снилась комната с круглым окном, освещённая тёплым светом андона. На футоне лежал старик. Седые волосы разметались по подушке, бесцветные глаза устало смотрели в темноту. Акира сидел на татами и протирал влажной тряпицей худые ноги старика.

– Прошу, Шин, позволь помочь тебе, – сказал он.

– Научись принимать отказы, Акира, – ответил старик так тихо, что голос его можно было спутать с шелестом ветра, и с улыбкой покачал головой.

– Ты умираешь. – Акира не сдавался. – Позволь спасти тебя, разделить с тобой мою жизнь. – Руки задрожали, и он осторожно положил ногу Шина обратно на футон. – Я не могу потерять тебя, едва встретив вновь!

Шин с тяжёлым вздохом сел, обхватил ладони Акиры своими – сухими, узловатыми, но всё ещё изящными – и заглянул в янтарные глаза.

– Из-за печатей острова я прожил гораздо, гораздо дольше отведённого мне срока. Больше, чем должен жить человек и даже заклинатель, – вкрадчиво сказал он. – Так заведено, Акира. Мир должен меняться, люди должны умирать. Моя жизнь, как и вечное лето в землях Истока, подходит к концу.

– Нет, – Акира упрямо мотнул головой и сжал пальцы Шина. – Нет. Я потерял всю свою семью, я не могу потерять ещё и тебя. Не могу. Не после того, как узнал, что ты жив. Прошу, умоляю тебя, Шин, позволь мне разделить с тобой вечность.

– Я... – Шин ласково улыбнулся и погладил Акиру по блестящей от слёз щеке. – Не хочу.

Комнату заволокло туманом, и Мико потянуло дальше, в знакомое подземелье. Макото лежал на тонкой циновке. Кацуми ещё не пришла, поэтому он дремал, свернувшись клубком, но Мико уже слышала её шаги. Услышал их и Макото, вскинулся и поспешил отползти в угол. Левую ногу он волочил по земле – она ещё не зажила после прошлого визита Хранительницы.

Кацуми вошла в темницу. Вся в чёрном, с веером из девяти белых хвостов за спиной. В руках она держала маленькую шкатулочку.

– Вспомнил, где прячутся твои друзья? – ласково спросила она и закрыла за собой дверь.

– Я не знаю, – затравленно отозвался Макото, плотнее вжимаясь в угол. – Они мне не друзья.

– Да, не друзья, – голос Кацуми стал ещё слаще, и она присела рядом с Макото. – Преступники. Преступники, которые жестоко убили Хранителя Нобу, сорвали печати с острова и развязали войну. Знаешь, что творится там, снаружи? Люди и ёкаи убивают друг друга. А о твоей подруге, чьей смерти ты так отчаянно желал, ёкаи складывают песни. Поцелованная Духом Истока, дочь Сияющей Богини, сошедшая в храм и исцелившая умирающих. Ты хоть понимаешь, как опасны эти слухи? Я должна положить им конец, должна найти девчонку и убить. А потом – смять и уничтожить мерзких людишек, которые решили со мной потягаться и погубить мой народ.

Кацуми открыла шкатулочку, и лицо её осветил тусклый красный свет. Она достала тонкие щипцы, выудила из шкатулки волшебный, негаснущий уголёк и повертела, разглядывая тлеющие грани. Воздух над угольком волновался от его неиссякаемого жара.

Макото задрожал.

– Прошу, госпожа Кацуми, я сказал вам всё, что знаю. Вы обещали, что будете снисходительны...

Брови Кацуми взметнулись вверх, взгляд стал насмешливым.

– Я снисходительна, – сказала она и вздёрнула верхнюю губу, обнажая клыки. – Если бы я не была снисходительна, то уже давно бы голыми руками вырвала твоё сердце. Знаешь,

Макото, больше людей я ненавижу только предателей. Что бы они ни говорили, их словам никогда нельзя доверять. А ты предатель, Макото.

Она схватила Макото за запястье и прижала к его ладони уголёк. Макото дёрнулся, закричал, заглушая противное шипение плавящейся кожи, от которой повалил чёрный дым.

– Где они прячутся?! – Кацуми надавила сильнее.

– Я не знаю!

– Дрянной щенок! – Она схватила Макото за волосы и приложила уголёк к его шее. Крик превратился в визг. – Я могу продолжать всю ночь!

– Я ничего не знаю! Я клянусь!

– О, можешь клясться сколько угодно. Но это не закончится, пока ты не заговоришь. – Кацуми оседлала Макото, придавив к полу, и поднесла уголёк к его рубиновому глазу. – Отбросы-полукровки вроде тебя не имеют права называться кицунэ.

Макото задёргался, пытаясь вырваться или хотя бы увернуться, но тысячелетняя Кацуми была сильнее. Уголёк нырнул в глазницу. Макото захлебнулся криком.

Мико лежала на поле битвы и слышала шум океана. Она лежала среди сотен мертвецов, а дикий ёкай ел её внутренности, хотя она всё ещё продолжала дышать. Она хотела отбиться от него, но не могла пошевелиться, пока его длинные когти перебирали её кишки, надеясь добраться до печени. Другой ёкай отгрызал голову мертвецу, что лежал подле Мико, – это был человек, из груди которого торчало обломанное копьё. Паучьи пальцы ёкая нырнули глубже в живот Мико и царапнули рёбра – он решил полакомиться сердцем, когти пронзили его и потянули наружу.

– Мико. Мико! Проснись! Проснись!

Она кричала. Вопила, отбиваясь от ёкая-падальщика. Билась в судорогах, не в силах вырваться. Он нашёл её, нашёл даже тут. Мико с ужасом ощутила его руки на своих плечах.

– Отпусти! Отпусти!

– Мико! Мико! Это я! – Райдэн обхватил её крепче, прижимая к себе и обездвиживая.

Мико вдохнула знакомый запах лета и наконец очнулась. Её колотило, по щекам катились слёзы, тело всё ещё отказывалось слушаться.

– Райдэн... – Тело свело судорогой, желудок сжался. – Меня сейчас...

Райдэн подхватил её на руки, и они оказались на улице быстрее, чем Мико успела моргнуть. А в следующий миг она упала на колени, и её вывернуло на траву. Мико застонала, и судорога повторилась. Тело задрожало сильнее, но стало немного легче. Болезненное марево сна медленно выцветало и растворялось, уступая место реальности.

Видения выматывали Мико. Она уже и не помнила, когда в последний раз спала нормально. С тех пор как Мико коснулась Духа, с тех пор как рухнули печати, она видела остров каждую ночь. Чаще всего она видела Акиру, Макото и убитую горем Кёко. Реже – незнакомых ёкаев. Чаще всего ей снились горе, боль и смерть. Реже приходили мирные сны, даря короткую передышку. Но обычно это были кошмары, из которых Мико вытягивал Райдэн, разбуженный её криками.

Райдэн гладил Мико по спине, аккуратно поддерживая. Когда судороги закончились, отнёс её обратно в спальню, помог умыться, уложил на футон и лёг рядом, обхватив за талию. Мико спиной чувствовала его тёплую грудь, затылком – его размеренное дыхание. И это немного успокаивало.

– Кацуми снова пытается Макото. Он так и не сказал ей, что мы в Небесном городе. Она... – Мико сглотнула и задрожала. Райдэн обнял её крепче. – Кажется, она выжгла ему глаз...

Райдэн шумно выдохнул и прижался лбом к её затылку.

– Надо вытаскивать его оттуда, – сказал он. – Как можно быстрее.

– Он предал нас... – прошептала Мико, вспоминая недавние слова Кацуми. – Ты не боишься, что он сделает это снова?

– Он совершил ошибку и уже расплатился за неё сполна. Мы не можем его бросить на растерзание Кацуми – подобного он не заслужил. Такого никто не заслужил.

– Ты слишком добрый, – проворчала Мико, хотя и была с ним согласна. Почти каждую ночь она кричала от боли вместе с Макото и искренне наслаждалась его муками вместе с Кацуми. Она была ими обоими, и это сводило её с ума.

– Я не могу его там бросить. И хочу, чтобы он перестал тебе сниться... так.

Мико развернулась к нему лицом. Чёрные глаза обеспокоенно блестели. Он был бледен и выглядел измотанным: из-за её кошмаров Райдэн тоже почти не спал.

– Тогда давай его спасём, – сказала Мико и взяла его за руку. – Я с тобой.

Райдэн благодарно кивнул, поднёс её ладонь к губам и поцеловал пальцы.

– Значит, сначала вытащим Макото, потом будем разбираться с моим кланом. Надеюсь, Ицуки сумел его отыскать.

Сердце Мико встревоженно забилося. Идея с кланом ей не нравилась. Чтобы вернуть себе подданных, Райдэну придётся сразиться с отцом. Непосильная задача для бескрылого тэнгу, но другого выхода Райдэн не видел. Мико тоже не могла предложить ничего лучше. Им нужны были сильные воины. Чтобы сдерживать ёкаев, чтобы противостоять Кацуми, чтобы остановить войну. По словам Райдэна, один тэнгу стоил сотни бойцов. Легенды, которые слышала Мико, говорили о том же.

– Ты опять нахмурилась, – сказал Райдэн, улыбнувшись, и разгладил пальцем морщинку на лбу Мико. – Снова думаешь про поединок?

– Тебе придётся сражаться с отцом. Возможно, придётся убить его, или он... – Мико не могла заставить себя закончить фразу. – Неужели нет другого способа уговорить тэнгу помочь?

– Я хотел бы верить, что есть, – отозвался Райдэн, и улыбка его погасла. – И я буду говорить с отцом, но уверен, что он откажет. И тогда придётся сражаться. Но не тревожься раньше времени, беглянка, и не хорони меня раньше срока.

Райдэн привычно ухмыльнулся – самодовольно и дерзко, – у Мико тут же потеплело на сердце, и она потянулась к его губам. Райдэн подался ей навстречу и поцеловал нежно, осторожно, будто боялся навредить. Его руки гладили её спину, забирались в волосы, ласкали плечи и возвращались обратно, чтобы повторить свой нехитрый путь. Они не развязывали пояс юкаты, не забирались под одежду, не были ни требовательными, ни жадными. Они успокаивали, дарили тепло, убаюкивали. И Мико была ему за это благодарна. Измученная связью с Духом, она не могла дать Райдэну ничего, кроме поцелуев. А он большего и не просил.

Так они пролежали до самого рассвета, находя успокоение в ласках и объятиях. То проваливались в сон, то, вздрагивая, просыпались, разбуженные кошмарами Мико, и снова убаюкивали друг друга.

Когда комната окрасилась в розовый, Мико окончательно проснулась. Райдэн спал крепко, свалившись с узкого футона на татами. Мико натянула на него одеяло, стараясь не потревожить, и неслышно выскользнула из комнаты.

Заброшенный замок Небесного города стал их новым домом. Магия Юри привела в относительный порядок несколько комнат: спальни Райдэна, Мико и Ханзо, купальню, кухню и комнату с очагом, где поселилась сама акасыгума. Там она и ждала Мико этим утром, уже всюю занимаясь приготовлением завтрака. Только вот была она там не одна.

У очага сидел Ицуки и прихлёбывал мисо-суп. Завидев Мико, старик приветливо улыбнулся, отставил тарелку и поклонился. Мико поклонилась в ответ. Сердце, притихшее к утру, тревожно забилося. Она надеялась, что он не вернётся так скоро.

– Давно не виделись, Ицуки, – вежливо сказала Мико. – Рада, что вы добрались до нас в целости, надеюсь, путь не был слишком трудным.

Ицуки покачал головой, добродушно сощурился и махнул рукой, как бы говоря, что всё в порядке. Мико села на татами, и к ней тут же подскочила Юри с пиалой, полной замоченного в чае риса.

– Доброе утро, госпожа!

– Доброе утро, Юри. – Мико благодарно приняла еду, но есть не стала, от волнения кусок в горло не лез. – Ицуки, вы... отыскали клан Райдэна?

Улыбка Ицуки стала ещё шире, и он бодро закивал. Мико старательно тянула вверх уголки губ, пока сердце тяжело билось в груди.

– Дадим Райдэну поспать ещё немного, – тихо сказала она.

Глава 2. Дракон в замке

Райдэн изучал свиток, который ему передал Ицуки. На крышке деревянного футляра был выжжен герб клана Карасу – две закрученные в спираль запяты. Чем дольше Райдэн читал, тем мрачнее становилось его лицо. Все молчали в ожидании.

Ханзо сидел у очага – в своей жуткой маске демона, – Ицуки, обхватив себя за розовые пятки и покачиваясь, с огромным интересом разглядывал его. Если бы Ицуки мог говорить, – Мико не сомневалась, – засыпал бы Шинокаге вопросами. А так он только щурился, шевелил губами и склонял голову то влево, то вправо, словно любопытный зверь. Особенно его внимание привлекали острые рожки на лбу нового знакомого.

Юри забралась на колени к Ханзо, уселась довольной кошкой, протянула ему деревянную пиалу с мисо-супом и запрокинула голову в ожидании. Ханзо взял суп и снял маску. Юри обожала этот момент. Кажется, Ханзо без маски ей нравился – насколько демон в принципе мог нравиться домовому духу. Ицуки одобрительно хмыкнул и вернулся к своему рису. Ханзо в один глоток осушил пиалу с супом. Юри тут же притащила ему рис, не дав возможности вернуть маску на место. А Мико даже почувствовала лёгкий укол ревности от того, что её акасягума столько внимания уделяет Ханзо. Впрочем, эти двое сильно сблизились за последнее время – Ханзо помогал Юри готовить и прибираться, хотя его никто об этом не просил. Но, похоже, после смерти принца Хидэо он попросту не знал, куда себя деть, не понимал, как жить дальше, лишившись цели, совсем одному. Мико это было знакомо.

Райдэн тяжело вздохнул, положил свиток на пол и молча принялся за еду – он размышлял. Мико заглянула в написанное – больше половины кандзи оказались ей незнакомы и выведены были так диковинно, что разобрать получалось с трудом. Но общую мысль она уловила.

– Отец отказался помогать по доброй воле и дать своих воинов, – сказал Райдэн, наблюдая за тем, как Мико тужится распознать витиеватые чёрточки. – Пишет, что если я хочу получить клан, то не должен, как трус, посылать... – Он виновато взглянул на Ицуки. – Слуг, а обязан прийти сам и сразиться за право встать во главе клана. Чего-то подобного я от него и ожидал.

– И ты пойдёшь. – Мико не спрашивала.

– Без войска тэнгу нам не справиться. Но мы подумаем об этом позже. – Он отставил рис и аккуратно положил палочки на край пиалы. – Сейчас надо решить, как мы будем вытаскивать Макото, пока старуха Кацуми не замучила его до смерти. Готов выслушать ваши предложения.

* * *

Замок Кацуми был огромным. Окружённый глубоким рвом, он угрюмой скалой возвышался над ярким морем осеннего леса и казался неприступным. Фонари не горели – замок будто затаился во мраке ночи, поджидая добычу.

Мико поёжилась. Даже приближаться к темницам, которые снились ей почти каждую ночь, не хотелось.

– Ты можешь не ходить. – Райдэн безошибочно угадал её тревогу. – Если Кацуми поймает тебя...

– Я пойду, – отрезала Мико, хотя ей очень хотелось принять предложение Райдэна. – Я не брошу тебя там одного.

Сны, беспокоившие её с тех пор, как они придумали план, Мико изо всех сил старалась запомнить, чтобы понять, где именно держат Макото, а утром зарисовать что-то наподобие карт, вроде тех, что чертила, готовя свой первый побег из рёкана. Но полезного было мало: лестницы, тёмные коридоры, луна в окне. В одну из ночей Кацуми развлекалась с Макото до самого рассвета, а потом любовалась солнцем, остановившись у небольшого окна на выходе из темницы. Она слизывала с пальцев кровь и беззаботно напевала под нос старую песенку про кицунэ, всё ещё возбуждённая, борющаяся с желанием вернуться и завершить начатое. Пока Кацуми размышляла, Мико, невольно разделяющей неуёмную жажду Кацуми, удалось понять, что камера Макото затерялась где-то под восточным крылом замка. Хоть какая-то польза от этих проклятых видений.

Пробраться вдвоём в замок под покровом ночи, по словам Райдэна, будет не так уж и трудно. А вот уйти, да ещё и с раненым Макото на плечах... Эта задача уже посложнее.

Они зашли со стороны деревни, в которой жил Макото. Дома стояли холодные и пустые – лисы покинули свои норы. Отлично. Пока всё шло по плану.

Райдэн обхватил Мико за талию, взмахнул веером, и послушный ветер перенёс их на изогнутую крышу одного из домов. Мико окинула взглядом открывшийся вид: за высокой стеной серые черепичные крыши выстраивались в неровную дорогу к замку. Райдэн взмахнул веером, и воздух задрожал, перестал быть прозрачным, пошёл радужными разводами, подсказывая, что перед ними преграда из заклинаний. Мико протянула руку и коснулась невидимого барьера, воздух под её ладонью сгустился, став плотным и упругим, как туго натянутая шёлковая ткань. Похожее заклинание не пускало чужаков в замок Райдэна.

Мико достала из ножен меч и выдохнула. Волшебная катана принцессы Эйко была способна рассечь почти любое заклятие. Но действовать нужно быстро. Как только меч разрубит барьер, Кацуми узнает, что к ней пробрались незваные гости. Мико молилась, чтобы всё прошло ровно так, как они задумали.

Клинок вошёл в барьер, и заклинание с тихим хлопком рассыпалось.

– Как договаривались, – бросил Райдэн.

Мико кивнула, спрыгнула с крыши. Над головой зашуршали одежды Райдэна – ветер понёс его к замку. Мико же помчалась в противоположную сторону – к западным воротам. Она двигалась перебежками, держалась ближе к домам, чтобы как можно дольше оставаться незамеченной. Отец был бы ей недоволен – самурай никогда не скрывается в тених, – но Мико больше не слышала голоса отца. Не слышала она и голоса матери, и голоса Хотару. В её голове теперь звучала она сама.

Мико выбежала на западный двор, в самый его центр, и выставила перед собой меч. Сердце тут же ушло в пятки, но Мико крепче сжала рукоять катаны и упрочила стойку, надеясь отыскать в земле силу духа.

– Кацуми! – крикнула она громадине замка. – Я слышала, ты меня ищешь! Мико, поцелованную Духом Истока!

Её тут же окружила дюжина бушизару, выставив на изготовку копьё. Мико оглушал лязг их доспехов и звук собственного сердца, поэтому она закричала ещё громче:

– Кто меня тронет, падёт, проклятый Духом Истока! Во мне его сила и его воля, направленная светлой рукой Сияющей Богини! – Она обвела грозным взглядом бушизару, и те, готовые напасть, отступили в нерешительности.

Они слышали рассказы о ней, слышали песни, что теперь с ветром гуляли по землям Истока и за их пределами. Ни одна из этих песен не была правдой, голоса ветра обманчивы и полны чужих надежд, но они этого не знали.

– Я пришла говорить с Кацуми! – продолжила Мико. – Пришла остановить эту войну, чтобы больше ни один ёкай и ни один человек не сложили головы в битвах друг с другом. Сердце Духа Истока обливается кровью от боли за его детей, и моё сердце болит вместе с ним!

Тут Мико даже не солгала. Дух плакал о своём острове каждую ночь. Духу больше не грозила смерть, но он горевал о тех, кто умирал теперь вместо него.

– Никто не должен гибнуть в этой бессмысленной войне! – голос Мико рос, становился крепче и увереннее, плечи расправились, подбородок устремился вверх. – И мы можем положить этому конец! Я не желаю вам зла и не причиню его, если вы не обратите против меня своё оружие.

Бушизару переглянулись и зашептались.

«Она спасла раненых воинов господина Нобу, – донеслось до ушей Мико. – Позволила им уйти».

Похоже, правдивые слухи тоже достигли их ушей. Тем не менее опускать копьё бушизару не торопились, но и не нападали. Мико и не надеялась на такой успех!

– Тебе хватило наглости явиться сюда? – Стражи расступились, открывая путь Кацуми. Чёрное кимоно оттеняло белую кожу, в руке она держала железный веер. – Привела на мой остров людей и смеешь говорить о мире?

– На остров людей привело нежелание Хранителей говорить о мире! – парировала Мико, обводя взглядом её слуг. – У вас была тысяча лет, чтобы отыскать путь в человеческие сердца, но вы предпочли взращивать в них ненависть.

– Не говори о том, чего не знаешь, девчонка! – оскалилась Кацуми.

– Я знаю всё, Кацуми! Дух открыл мне твоё чёрное сердце! Сердце, которое не знает ни любви, ни жалости! Сердце, которое жаждет одного – власти и чужих мук!

Кацуми дёрнулась, будто Мико отвесила ей звонкую пощёчину.

– Ты. Ничего. Не знаешь! Маленькая человеческая лгунья!

Кацуми бросилась на Мико, но тут между ними обрушился на землю сгусток непроглядной тьмы, и в следующий миг веер Кацуми встретился с нагинатой Ханзо. Мико стремительно развернулась, готовая отражать нападение бушизару и прикрывать спину Ханзо. Но стражи не нападали. Они были растеряны и не знали, что делать.

– Не стойте столбами! Убейте её! – закричала Кацуми, отбиваясь от стремительных атак Ханзо, который застал её врасплох.

Бушизару спохватились, вернули на изготовку копьё. И самый смелый из них бросился на Мико. Он был смел, но всё ещё сомневался, и Мико без труда обошла его копьё и обрушила клинок на его запястье. Бушизару закричал и упал на одно колено, роня копьё и хватаясь за культю, а Мико следующим ударом снесла ему голову. Смерть одного из них привела в чувство остальных, и они тоже кинулись в атаку.

Мико надеялась, что схватки удастся избежать. Но план не был идеальным. Слишком многое в нём зависело от случая, но лучшего обстоятельства предложить им не могли.

Их быстро взяли в кольцо. Мико поняла это, когда соприкоснулась спиной со спиной Ханзо. Он окружил их теньями, которые, будто щупальца гигантского осьминога, держали оборону – хватали, давили, жалили. Но сдержать всех Ханзо не мог.

– Давай же, – процедила Мико сквозь зубы, косясь на ночное небо. – Давай!

Пробивая хозяйке дорогу к врагам, веер Кацуми рассёк щупальца, и они чернилами осыпались, тут же впитавшись в землю. Ханзо бросился на кичунэ с нагинатой наперевес. Бушизару окружили Мико и повалили на землю. Похоже, убивать её они всё же боялись, не желая

быть проклятыми Духом Истока, и решили оставить смерть Мико на совести своей повелительницы.

– Я сказала, убейте девчонку! – велела Кацуми, сцепившаяся в смертельной схватке с демоном. – Или я убью вас!

Мико испуганно закричала, пытаясь вырваться. Перевернулась на спину и увидела занесённое над головой копьё.

А потом ночное небо осветила яркая вспышка.

Наконец-то!

Огромный огненный дракон расчертил ночь и с воем и грохотом разбился о замок. Мрачная твердыня уронила на двор камни, но выстояла. Огненные капли, в которые превратился дракон, полетели во все стороны, поджигая крыши и сад. Все замерли, ошарашенно наблюдая за происходящим.

Ворота открылись, и в них заехал бушизару на коне. Его левая рука висела плетью.

– Люди! – закричал он. – Они прорвали оборону на подступах к замку! Они привели демонов!

Кацуми закричала, оттолкнула Ханзо и помчалась к воротам.

– Восстановите защитные заклинания! Немедленно! Закройте ворота!

Но тут четыре клуба тьмы обрушились на соседние крыши, являя взору Шинокаге. Бушизару, забыв о Мико, кинулись к ним. А к замку уже летел второй огненный дракон.

Мико вскочила и побежала прочь от ворот и Кацуми.

– Ханзо! – крикнула она и тут же оказалась в непроглядной тьме, а потом почувствовала, как сильные руки оторвали её от земли. Шум битвы стих, став вдруг далёким эхом.

Когда дым рассеялся, Ханзо осторожно опустил Мико на крышу на расстоянии нескольких домов от двора, в котором кипели пламя и тьма.

– Спасибо! – Мико старалась отдышаться.

– Надо уходить. У Шинокаге приказ убить нас, – сказал Ханзо. – Тэнзо дал нам фору за то, что сняли заклинание с замка. Но если не уйдём...

– Поняла, значит, уходим. – Мико не знала и не хотела знать, кто такой Тэнзо, и уж тем более не собиралась встречаться с ним. Она оглянулась на двор, где умирали бушизару. – Надеюсь, у Райдэна всё получилось. Макото обошёлся нам слишком дорого.

Глава 3. Натянутая тетива

Мико с Ханзо добрались до Небесного города на рассвете. Райдэн встретил их у дверей и тут же заключил Мико в объятия.

– Я уже хотел выдвигаться вам навстречу, – выдохнул он, зарываясь носом ей в волосы. Мико обхватила его за шею и позволила оторвать себя от земли. Всю дорогу она с ума сходила, не зная, удалось ли им выбраться, в порядке ли Райдэн и не совершила ли она ошибку, покинув замок Кацуми.

– Как он? – спросила Мико, когда наконец смогла заставить себя разомкнуть объятия.

Райдэн тут же помрачнел.

– Плохо, но... жить будет. – Он вздохнул и потёр глаза. – Нам бы сейчас не помешала помощь Шина.

– Акира нас к нему не подпустит. И сам Шин...

– Знаю. Меня останавливает только уверенность в том, что Акира не причинит ему вреда. И пока Шин у него, он не участвует в войне и не помогает Кацуми.

– Это не он, а Шин удерживает его возле себя, – хмыкнула Мико, проходя в дом. – Лучшей помощи от Шина и не представить. Я могу?..

– Да, он у меня. Юри ещё не успела подготовить ему отдельную спальню.

Мико зашла в комнату и закрыла за собой дверь. Макото лежал на футоне Райдэна – конечно, он отдал лису свой футон. Макото дышал надсадно, хрипло, казалось, каждый вздох причинял ему невыносимую боль. На глазу лежала пропитавшаяся кровью повязка. Руки, грудь, шея – почти всё его тело покрывали розовеющие бинты. Небольшая курительница у изголовья источала аромат сливы и перебивала запахи крови и гноя.

Мико присела на татами и прикрыла обнажённое тело Макото одеялом. Он застонал от этого лёгкого прикосновения и открыл единственный оставшийся глаз.

– Мико? – едва слышно спросил он.

– Да.

Макото слотнул и прикрыл веки. Мико встала и направилась к окну, чтобы раздвинуть сёдзи и впустить в комнату свежий воздух.

– Прости меня, – донеслось до её ушей. – Прости, если можешь. Я не должен был...

Мико обернулась. По щеке Макото текли слёзы. Он смотрел в потолок, пытаясь сморгнуть их, но они лились и лились нескончаемым ручьём.

– Я ничего не сказал ей. Я... Я слышал, что тебя поцеловал Дух. Я ошибся. Я очень ошибся.

Мико вернулась к футону и снова села на татами, подобрав под себя ноги. Она каждую ночь чувствовала страдания Макото и знала: он натерпелся достаточно. Даже больше. Но сути это не меняло.

– Ты не у меня должен просить прощения, – сказала она бесстрастно. – А у Райдэна. Он не мог оставить тебя в беде даже после того, что ты сделал, он рисковал своей жизнью, лишь бы вытащить тебя из лап Кацуми. Я была против.

Макото удивлённо заморгал, но ничего не ответил. Явно не это он рассчитывал услышать от Мико.

– Я пришла сюда только для того, чтобы предупредить, – голос Мико стал ледяным и колким, она опустила тяжёлый взгляд на кицунэ: – Если ты ещё раз пойдёшь против Райдэна, меня или кого-то из наших друзей, я лично убью тебя, Макото.

Лицо Макото вытянулось, взгляд застыл: что бы он ни увидел в глазах Мико, это действительно испугало его. Помедлив, он кивнул.

– Спасибо за предупреждение. Я клянусь тебе, больше не...

– Клятвы оставь себе. Мы оба знаем, сколь мало они сто́ят.

Дверь в комнату открылась, и в неё вошёл Ицуки со ступкой в руках. Следом показался Райдэн.

– Эй, ты как? – спросил он, а Макото быстрым движением стёр со щеки слёзы.

– Уже гораздо лучше, спасибо.

– Ицуки принёс лекарство.

Ицуки плюхнулся на татами, и Мико увидела, что ступка его полна плодов гинкго.

– Гинкго, но это же... – начала было она, но Ицуки замахал руками, складывая знаки.

– Макото полукровка, поэтому ему не страшен яд, – пояснил Райдэн, внимательно наблюдая за знаками Ицуки. – Сок гинкго избавит его от боли. А ты можешь пить его перед сном – прогонит кошмары. Ицуки... слышал, как ты кричишь... Он сделал для тебя снадобье.

Мико смутилась, но благодарно кивнула. Ицуки размял плоды в ступке и добавил сок в принесённый Юри чай. По комнате разнёсся сладкий запах мёда. Макото избегал смотреть на Райдэна, отвернувшись к окну. В комнате стало невыносимо душно, несмотря на распахнутые сёдзи. Напряжение, вина и стыд пронизывали воздух.

– Ицуки попросил набрать ещё плодов. В этих местах он отыскал только одно дерево, и оно обобрано до нитки, – сказал Райдэн. – Полетишь со мной, беглянка?

Мико с готовностью встала.

– Далеко летим?

Райдэн печально улыбнулся, но улыбка эта тут же спряталась под знакомой весёлой ухмылкой.

– Проверим, что осталось от моего дома.

Осталось не много.

Мико окинула взглядом обуглившиеся развалины. Кого бы ни привёл сюда Макото, постарались они на славу: главный дом превратился в пепелище. Не пожалели они и другие постройки вроде кухонь, конюшен и пустующих домов, где когда-то жили другие тэнгу. Сгорел и сад. Нетронутым осталось только красное дерево гинкго.

– Его всё равно пора было перестраивать, – пожал плечами Райдэн, оглядывая пожарище. – Заклинания замедляли разрушение от сырости, плесени и короедов, но дедуля наказывал перестроить дом ещё лет пятьдесят назад, а нам с мамой было не до того.

Райдэн старался выглядеть непринуждённым и расслабленным, но движения были резкими, дёргаными, он то и дело вытирал ладони о хакама и бросался колкими фразочками.

– Ладненько. – Он закатал рукава и прыгнул на обгоревшие доски, которые остались от энгавы. – Давай поглядим, вдруг уцелело что-то стоящее.

– Райдэн, – позвала Мико. – Тебе необязательно притворяться, что всё хорошо.

– Я знаю, – помедлив, отозвался он и почти без усилий сдвинул с места чёрную балку, освобождая путь. – Но мне так легче удерживать себя подальше от мысли вернуться и свернуть Макото шею.

Мико спорить не стала и забралась на обрушенную энгаву вслед за Райдэном.

– Не могу сказать, что осуждаю тебя за подобные мысли, – сказала она, присела на корточки и сдвинула в сторону остатки сёдзи, ладони тут же стали чёрными. Под сёдзи не осталось ничего, кроме прогоревшего насквозь татами. – Хотя всё ещё не понимаю, почему ты к нему так добр.

– У Макото было трудное детство. – Райдэн зарычал, пытаясь поднять другую балку, кажется когда-то поддерживающую своды крыши. Дерево подчинилось и откатилось в сторону, вспугнув облако золы.

– Возможно, это и объясняет его поступки, но не оправдывает, – пробурчала Мико, пробираясь дальше по останкам дома. – Мы чуть не погибли из-за него. А ты так легко простил его...

Райдэн резко выпрямился и обернулся. В глазах его плескалась непроглядная тьма.

– Я не простил, – холодно сказал он, а у Мико по спине пробежали мурашки от его тона. – Я дал ему возможность исправить то, что он натворил. Быть полезным. Ещё одна подобная ошибка не сойдёт ему с рук.

Что-то было в его голосе такое, что не давало сомневаться в сказанном. И Мико с некоторым удивлением вспомнила то, о чём почти успела забыть: Райдэн вовсе не добряк, он воин, тэнгу, ёкай. Он не раз убивал у неё на глазах – не сомневаясь, не задумываясь, не сожалея. Что-то подсказывало Мико: единственная причина, почему Макото всё ещё жив, в том, что Кацуми добралась до него первой. Страдания Макото, в глазах Райдэна, стали достаточным наказанием за содеянное. Прощение, если это было возможно, ему ещё предстояло заслужить.

– О, неплохо! – голос Райдэна выдернул Мико из размышлений. Тэнгу сдул золу с небольшой шкатулки и извлёк из неё тонкое воронье перо. – Не зря на Ёрумачи отдал втридорога за неё.

Райдэн сунул перо обратно в шкатулку, а ту – в сумку за спиной. Наклонился, продолжив разгребать завалы, но вдруг остановился и бросил на Мико быстрый взгляд.

– Тут... Хотару. – В руках он держал черепки, оставшиеся от урны.

Мико вскинула на него взгляд, ожидая, как от этих слов вот-вот больно кольнёт в груди, но... ничего не почувствовала. Только где-то глубоко внутри прокатилось тихое эхо сожаления оттого, что всё сложилось вот так. Она подошла к Райдэну, прикрыла глаза и дважды хлопнула в ладоши, обращаясь к Сияющей Богине. Она просила прощения у неё и Хотару за то, что не смогла присмотреть за сестрой – ни при жизни, ни после смерти. Мико обещала: как только они поставят опрокинутый мир обратно на ноги, она обязательно почтит память сестры должным образом. А пока просила родителей за ней присмотреть.

Открыв глаза, Мико заметила, что Райдэн тоже молится. Кому и о чём, она спрашивать не стала. Их отношения с Хотару её не касались, хоть она и невольно заглянула в воспоминания Райдэна перед битвой с Нобу. Они так и не поговорили об этом. О том, что чувствуют и чего хотят. События развивались так стремительно, столько всего обрушилось на Мико, Райдэна, их друзей и страну, что чувствам не осталось места.

Когда они устали разбирать завалы, не найдя больше ничего полезного, побрели в сгоревший сад. Красный гинкго в лучах солнца казался всё ещё объятым пожаром. Он светился на фоне скрючившихся и почерневших сакур, сосен и слив. Удивительно, как дерево сумело уцелеть. Сквозь золу у его корней уже несмело пробивалась молодая трава.

Райдэн протянул руку, сорвал пару плодов и протянул Мико. А она невольно вспомнила, как однажды они уже стояли под этим деревом, и тогда он рассказал ей о том, что дерево это символ бессмертной любви.

Мико коснулась пальцев Райдэна, не торопясь брать гинкго, и взглянула на тэнгу из-под полуопущенных ресниц.

– Прости, что поднесла их тебе... тогда. – От воспоминаний о церемонии Мико покрылась мурашками. Райдэн чуть не погиб тогда, испробовав гинкго из её рук.

– Прости, что тебе пришлось это сделать, – отозвался Райдэн, вложил гинкго ей в ладонь и погладил пальцы. Но тут же усмехнулся, подмигнул, и глаза его лукаво заблестели. – Но знай, что я был бы счастлив умереть от твоей руки.

Мико заворчала, чувствуя, как теплеют щёки под его игривым взглядом.

– Не говори таких жутких вещей, тэнгу.

– Разве ж это жутко? Думаю, вышла бы очень увлекательная история! Прекрасная дева, что подносит влюблённому – и не менее прекрасному! – воину яд, и он трагически погибает с её именем на устах.

– Ты уже тогда был в меня влюблён? – спросила Мико, кажется, услышав всего одно-единственное слово среди всего, что сказал Райдэн.

Он замер, как будто она поймала его на чём-то преступном, но в следующий миг его ухмылка стала ещё шире и откровеннее.

– Разве я сказал хоть слово о себе, беглянка? Похоже, ты слышишь только то, что желаешь слышать, ах, жаль, что спальня моя уже сгорела, иначе её бы немедленно охватило пламя нашей страсти!.. – С этими словами он взобрался на ветку гинкго и принялся срывать плоды.

Мико засмеялась, качая головой.

– Развратник!

– Ещё какой! Но об этом мы поговорим позже, беглянка, а пока ешь гинкго. – Он кивнул на плод в её руках и с сожалением в голосе добавил: – Я должен был сам догадаться, что они тебе помогут.

Мико вдохнула сладкий медовый запах, так не похожий на запах гинкго, к которому она привыкла. Повертела плод в пальцах, всё ещё немного сомневаясь, но всё же надкусила и не сдержала восхищённый взглас:

– Как вкусно! – Остаток плода исчез в мгновение ока, второй отправился следом. А вскоре по телу пробежали мурашки, Мико будто встряхнули, приводя в чувство, в голове прояснилось, а сонливость, с которой она уже успела свыкнуться как с чем-то неизбежным, будто рукой сняло.

От Райдэна эта перемена не укрылась. Он просиял и, кажется, выдохнул с облегчением.

– Подставляй сумку! – крикнул он, и едва Мико стащила с плеча мешок, в него полетели плоды. – Наберём для тебя столько гинкго, сколько сумеем унести!

Мико рассмеялась:

– Они же испортятся! Лучше вернёмся ещё раз.

– Твоя правда, – вздохнул Райдэн, перепрыгивая на ветку повыше. Мико внизу ловко ловила плоды мешком. – Значит, вернёмся.

Когда мешок был полон, Райдэн соскочил на землю, отряхнул руки и, забрав ношу у Мико, забросил себе на плечо, а саму Мико крепко обхватил за талию освободившейся рукой, доставая из-за пояса веер. Ветер послушно подхватил их и унёс высоко в небо.

Мико заметила Кёко ещё на подлёте к замку в Небесном городе. Она стояла у входа, направляя лук на Ицуки, который заслонял собой громоздкие двери. Всё тело Райдэна, которого Мико обнимала за шею, разом напряглось, и он взмахнул веером, заставляя ветер нести их быстрее.

– Отойди в сторону! – совсем скоро ветер донёс слова Кёко. – Я не хочу причинять тебе вред, но Макото я всажу стрелу промеж глаз.

Ицуки не двигался с места, даже не пытался расцепить спрятанные в рукавах ладони. Мико с тревогой покосилась на Райдэна. Они не видели Кёко со дня гибели Хидэо, Мико даже хотела отправиться искать подругу, но Райдэн останавливал её, уверяя, что однажды Кёко

покажется сама. Что ж, в этом он оказался прав, вот только Мико не думала, что они встретятся так, со стрелой, готовой в любой миг сорваться с тетивы.

Райдэн приземлился у ворот и поставил Мико на землю. Ицуки, увидев их, радостно улыбнулся.

– Кёко, – тихо позвал Райдэн, сбрасывая сумку с плеча.

А в следующий миг мир дрогнул.

Кёко развернулась так резко, что Мико даже не разглядела движения.

Тетива вскрикнула, отпуская стрелу.

Мико бросилась к Райдэну, но не успела.

Глава 4. Слёзы Небесного города

Райдэн выставил перед собой сумку, набитую плодами гинкго, и стрела застряла в ней. Кончик замер на расстоянии ногтя от носа Райдэна. Кёко вскинула лук, готовая стрелять снова, но Мико заслонила ей обзор, выскочив между ними и раскинув в стороны руки.

– Что ты творишь?! – воскликнула она.

– Отойди, Мико, – прорычала Кёко, продолжая целиться. – Я пришла забрать его жизнь.

– Ты ничего не заберёшь! – Мико сделала шаг вперёд. – Опusti лук.

Верхняя губа Кёко дёрнулась, глаза заблестели, наполняясь слезами.

– Он виноват в том, что Хидэо погиб. – Стрела упорно смотрела в голову Райдэна, Мико была слишком низкой и не могла закрыть его полностью, но тем не менее Кёко не стреляла. Она сомневалась. Раньше она выстрелила бы не задумываясь, почти не глядя, но теперь, когда он стоял перед ней, смотрел в глаза, она медлила. Мико решила за это ухватиться.

– Я тоже отказалась танцевать, так что виновата не меньше, Кёко...

Стрела качнулась, уставившись на Мико. Теперь зарычал уже Райдэн, решительно выступая вперёд и возвращая внимание Кёко к себе.

– Дело не в танце, дело в том, что он решил сохранить тебя. – Кёко снова перевела лук на Райдэна. Она тяжело дышала, рука начинала уставать и подрагивать. – Он всегда выбирал тебя. И поэтому Хидэо мёртв. Всё началось в ночь Красной Луны, когда он не позволил тебе умереть...

– И ты жалеешь об этом? – спросил Райдэн, голос его звучал удивительно спокойно, будто его жизни ничего не угрожало. Хотя Мико знала, что без крыльев он почти настолько же смертен, насколько и она сама. Одной стрелы в сердце будет достаточно, чтобы оборвать его жизнь.

– О чём? – огрызнулась Кёко.

– О том, что Мико жива.

Кёко вздрогнула, бросила растерянный взгляд на Мико.

– Н-нет. – В голосе её прозвучало эхо вины. – Я никогда не жалела о том, что Мико жива. Она замечательная, а ты, Райдэн, не стоишь даже волоса с её головы.

– Тут я даже спорить не буду! – Райдэн показал пустые ладони, будто сдаваясь. – И я...

– Все ёкаи, которые были в том храме, остались живы. Все! – голос Кёко сорвался. – Я слышала, я была там. И та старая кадзин сказала, что каждый, кто умирал от Проклятия Спящих, исцелился. Если бы вы танцевали... Хидэо...

Она не договорила, стиснула зубы и выстрелила под ноги Райдэну. Он не дрогнул, а она тут же выхватила из колчана новую стрелу.

– Я не отказываюсь от своей вины...

– Но ты же... – начала было Мико, но Райдэн взглядом оборвал её.

– И ты имеешь право попробовать отнять мою жизнь. Но без боя я не дамся, Кёко.

– Тебе придётся убить меня, чтобы остановить. – Ещё одна стрела со свистом прилетела к его ногам.

– Хорошо, – Райдэн кивнул. – Но мы можем это отложить? – Мико вскинула на него удивлённый взгляд. Кёко не шелохнулась. – Идёт война. И мы оба нужны на ней. Давай вместе её закончим, а после... После ты сведёшь со мной счёты, как и когда считаешь нужным.

Мгновения сменяли друг друга медленно, как неторопливые капли воды падают на лоб во время пытки. Наконечник стрелы смотрел точно Райдэну в грудь. Мико боялась пошевелиться, чтобы не встревожить Кёко, которая не сводила глаз со своей цели. Райдэн продолжал держать перед собой открытые ладони. Ицуки наблюдал издалека.

Стрела задрожала, клюнула вниз, лук опустился, плечи Кёко бессильно поникли. Стрела упала на землю. Кёко закрыла лицо ладонью и всхлипнула.

– Его больше нет, – пробормотала она так тихо, что Мико едва разобрала слова. – Я больше его не чувствую.

Райдэн приблизился к ней медленно и бесшумно, как к дикому зверю, раненому, а оттого ещё более опасному. Протянул руки, будто готов был обнять, но не прикоснулся, замер в ожидании. Кёко качнулась и уткнулась лбом в его плечо, ладони Райдэна укрыли её спину.

– Я больше его не чувствую, – повторила она, дрожа всем телом.

– Прости.

– Это так больно. Я хочу, чтобы тебе было так же больно, чтобы хоть кому-то было так же больно.

– Прости.

Кёко выронила лук и закрыла лицо уже двумя руками, как будто старалась удержать слёзы, но они всё лились и лились, капали сквозь пальцы и пропитывали кимоно Райдэна. Мико, не зная, куда себя деть, направилась в дом. Нужно было попросить Юри подготовить ещё одну спальню – Кёко вернулась к ним. Пусть и совсем не так, как Мико себе представляла.

* * *

Мико сидела на балконе, поджав под себя ноги, и пила чай, когда в комнату заглянул Райдэн. Мико не оглянулась, дождалась, пока он сядет рядом, и подвинула к нему вторую наполненную маття чашку. Райдэн благодарно кивнул и обхватил её пальцами. Чашка казалась совсем маленькой в его руках.

– Почему ты взял вину на себя? – спросила Мико, отворачиваясь к утонувшему в зелени городу.

– Потому что я виноват, – Райдэн ответил быстро, не тратя время на раздумья. – Черета ужасающих ошибок тянется за мной хвостом. Я не уберёг Хотару, едва не потерял тебя, упустил доверие Макото, не смог убедить Кёко и помочь Хидэо, позволил Акире забрать Шина... Этот список можно продолжать ещё долго. Поэтому да, в смерти Хидэо есть моя вина.

Мико повернулась к нему. Он устало привалился к стене, волнистые пряди, выбившиеся из хвоста во время полёта, бросали тени на красивое, но осунувшееся лицо.

– И... – Райдэн сказал тихо, будто бы самому себе: – Лучше пусть винит меня или кого угодно ещё, если это поможет ей выжить. – Заметив непонимающий взгляд Мико, улыбнулся уголками губ и продолжил: – Для ёкая нет ничего хуже и больнее, чем потерять свою пару, особенно если вы провели обряд соединения душ. Но ещё хуже, если в смерти любимого виноват ты сам. Если бы мы с тобой станцевали, Хидэо бы исцелился, но если бы Кёко не станцевала с ним, у него бы осталось время. – Он вздохнул и потёр ладонью лицо. – Она понимает это, и боюсь, что желание оторвать нам с Макото головы – единственное, что удерживает её на плаву.

Мико нахмурилась и опустила взгляд в чашку. Об этом она не подумала. И Акира, и Райдэн рассказывали ей о подобном. О том, что ёкаи погибают без любимых, о том, как обме-

ниваются плодами гинкго, чтобы отправиться вслед за своей парой. Она знала, видела, как тяжело Кёко, но даже не допускала мысли о том, что она может...

– Я хочу с ней поговорить.

Райдэн кивнул.

– Ей сейчас очень страшно.

Мико хотела спросить, как можно так уверенно говорить о чужих чувствах, но Райдэн её опередил:

– Я боюсь того же каждый раз, когда слышу, как ты кричишь во сне.

Между рёбер кольнуло, и Мико вздрогнула, не зная, что сказать. Но Райдэн, кажется, и не ждал ответа: отвернулся к выглянувшему из-за облаков солнцу и прикрыл глаза. На лице его трепетали тени листьев древнего клёна, который рос во дворе, и солнечные блики, отчего выражение разглядеть не получалось.

Мико смотрела на Райдэна, на усталого, но по-прежнему широкоплечего, сильного, уверенного. Она никогда не боялась его потерять. То есть она боялась *за него*, но всерьёз не допускала даже мысли о том, что Райдэн может умереть. Он выжил после отравления гинкго, выбрался из пасти Великого Змея, победил Нобу и сотню бушизару. Даже без крыльев он сражался так легко, почти играючи, что Мико очень быстро обрела уверенность: с ним ничего не может случиться, Райдэн всегда выйдет сухим из воды. Какая бы опасность ни подстерегала их, он останется жив. Из них двоих именно Мико – слабая, хрупкая человеческая женщина, жизнь которой может оборваться от дуновения ветра, старости или прихоти ёкая. С Райдэном такого никогда не будет.

А вот Райдэн боялся за неё. Не повезло бессмертному ёкаю влюбиться в смертную женщину. Какой бы удачливой ни была Мико, как бы крепко ни держала меч, рано или поздно она умрёт и оставит Райдэна одного. Что тогда будет с ним? Меньше всего Мико хотелось, чтобы Райдэн последовал за ней.

Она отыскала его ладонь и коснулась её кончиками пальцев.

– Когда я умру...

Райдэн отдернул руку, открыл глаза и отпрянул, будто одни только эти слова уже доставили ему резкую боль. Но Мико упрямо перехватила его ладонь, вдруг похолодевшую, и крепко сжала.

– Когда я умру, – сказала она серьёзно и по-деловому сухо, – обещаю, что будешь в порядке.

– Мико... – Райдэн покачал головой. – Хватит...

– Обещай, что с тобой ничего не случится. – Она подобралась ближе, села к нему почти вплотную. Райдэн не шевелился, окаменел, и только глаза его насторожённо блестели. – Обещай, а я пообещаю, что вернусь. За одну, две, тысячу жизней, но я вернусь. Даже если туманы Ёми отнимут мою память, я отыщу дорогу назад.

Райдэн перехватил её ладонь и потянул на себя, заключая в объятия. Мико не сопротивлялась, прижалась к его груди и невольно вздохнула, когда его руки сомкнулись на её спине. Её тут же окружил знакомый аромат дождя и весеннего леса, успокаивающий и почти родной.

– Ты мне веришь? – спросила Мико.

– Верю, – тихим эхом отозвался Райдэн.

– Тогда обещаю. – Мико сжала ткань его кимоно и затаила дыхание в ожидании. Его сердце билось громко и быстро, почти так же, как и её собственное.

– Обещаю.

* * *

Кёко выбрала комнату под самой крышей, с окнами на все четыре стороны. Взбираться туда пришлось через люк, по крутой и не самой надёжной на вид лестнице. Голова Мико оказалась из проёма в полу, на нём не было татами, вместо футона – плотная циновка, у одной из стен – низкий комод. Кёко, скрестив ноги, сидела у окна и задумчиво смотрела на город.

– Прости, что напугала тебя, волчонок. – Она обернулась, опираясь на руку. Седая коса соскользнула с обнажённого плеча и коснулась кончиком пола.

Мико забралась в комнату целиком и села рядом с Кёко.

– Извинения принимаются. Я рада, что ты пришла.

Кёко поджала губы и неопределённо мотнула головой. Повисло молчание.

Мико выглянула в окно. Серые черепичные и коричневые соломенные крыши спускались вниз по склону, то теряясь в зелёной листве, то вновь выныривая, чтобы подставить крутые скаты ещё тёплому осеннему солнцу. Отсюда, с вершины замка, город казался мирным, тихим, будто и не было сражений, будто не пропитались кровью воды у западного побережья острова.

Кёко прервала молчание первой:

– Если ты пришла защищать Райдэна...

– Сами разберётесь, – прервала её Мико. – И раз уж вы решили отложить свои «дела» на потом, то и говорить об этом до того времени я не хочу.

Кёко хмыкнула и криво улыбнулась. Ничего весёлого в её улыбке не было, но и злой она не казалась. Комнату снова затянуло молчание. Мико не торопила его и не гнала. Она о многом хотела рассказать, но ждала, пока подруга подпустит её к себе.

– Значит, из-за меня началась война, – наконец сказала Кёко, глядя на горизонт, как будто могла видеть стоявшие где-то далеко за ним корабли императора.

– Что-то вроде того, – кивнула Мико.

– И какой план?

– Вернуть клан Райдэна, с их помощью удержать ёкаев от нападения на людей и попробовать договориться с людьми о мире.

– С императором вы не договоритесь, – покачала головой Кёко и скривилась, будто от зубной боли. – Он настроен решительно. Я была в землях людей. Он уже провозгласил себя победителем ёкаев и великим потомком Иэясу, которому суждено повторить подвиг своего великого предка и избавить мир от вернувшихся чудищ. Справедливости ради, ёкаи выпотрошили многие прибрежные деревни, до которых сумели добраться. Там... никого не осталось.

Мико вздохнула и потёрла лицо ладонями. Что ж, никто и не говорил, что будет легко. Наоборот, каждая ночь напоминала ей о том, что легко не будет.

– Ты можешь предложить что-то лучше? – спросила Мико, отрывая руки от лица.

– Я подумаю, но нам точно нужно больше сил. – Она, задумчиво прищурившись, глядела куда-то вниз, в заросли можжевельника. Подобралась, как завидевшая добычу кошка. – Возможно... Возможно, что-то и выйдет, понять бы только как...

Мико не понимала, о чём толкует Кёко, и изо всех сил старалась проследить за её взглядом, но видела только беспроектное зелёное море на склоне. Но мгновение спустя до её ушей донеслись крики. Одни кричали от страха, другие – от гнева.

Мико вскочила на ноги.

– Что там происходит...

– Самое время проверить!

Кёко схватилась за лук и сиганула в открытое окно. Мико, ругаясь себе под нос, полезла вниз по лестнице, надеясь, что волчица не перебьёт всех жителей Небесного города, пока Мико будет её догонять.

Райдэн догнал Мико на выходе из ворот и бросил ей меч. Мико спешно привязала ножны к поясу. Кёко умчалась далеко вперёд. Одна улица сменяла другую, крики становились громче. И наконец Мико с Райдэном выскочили на широкую дорогу, полную народа. Несколько десятков, если не сотня ёкаев стояли, прижавшись друг к другу, в обносках и дорогих одеждах, все как один прибитые пылью и согнутые под весом разноцветных тюков. Путь им преграждали десять огромных воинов, на синих хаори которых были вышиты собачьи морды – знак клана Инугами.

– Нашу деревню сожгли дотла, нам больше некуда податься! – Только сейчас Мико заметила низенькую женщину с кошачьими ушами и длинным полосатым хвостом, который метался из стороны в сторону.

– А я ещё раз говорю, хотите остаться – платите! Здесь вам не уют! – гаркнул самый высокий из Инугами и положил ладонь на рукоять длинного тати.

– Да как у вас совести хватает! – выступил из толпы старик с обломанными оленьими рогами. – На остров напали, убивают без разбора! Мы еле унесли ноги, когда огненный дракон упал на деревню, а они, – он махнул рукой куда-то за спину, – шли сюда от самого побережья! Там ёкаям отрубают головы и надевают на пики! Других привязывают к крестам в океане и оставляют на забаву приливу и птицам! Мы должны стоять друг за друга, а вы смеете требовать с нас плату?

– Должны стоять друг за друга? – громкогласно рассмеялся Инугами, уперев кулаки в толстые бока. – Так иди войей за своих! Чего прибежал сюда, поджав хвост, а, травоядное?

Старик съёжился, растеряв свой пыл.

– Мы защищали свой дом как могли! – вернула внимание на себя бакэнэко. – Да вот только воевать как? Господин Нобу мёртв, господин Акира, говорят, заперся в своём замке на востоке, а замок госпожи Кацуми в осаде. Бушизару держат оборону, но командовать ими некому.

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Я сказал, плати – значит, плати! А нет денег – снимай кимоно. Мы тебя за хвост по очереди отгаскаем и пустим поспать на гэнкане, – сказал Инугами и вместе со своими приятелями дружно засмеялся.

Бакэнэко оскалилась и выхватила из-за пояса танто.

– Я скорее отрежу тебе твой короткий...

Удар рукоятью тати по лицу сбил её с ног. Она застонала, сплёвывая на землю кровь. Инугами занёс меч, чтобы завершить начатое, но к ногам его прилетела стрела, заставляя отпрянуть. Кёко, до этого незаметно сидевшая на соседней крыше, уже натягивала тетиву для нового выстрела. Толпа испуганно отступила, Инугами вскинули головы.

– Ты кто такая?! – гаркнул один из них, но двигался осторожно, с опаской поглядывая на стрелу.

– Как негостеприимно, – цокнула языком Кёко.

Ждать больше не было смысла. Мико потянула Райдэна за рукав и решительно направилась в сторону толпы.

– Это наш город, и мы устанавливаем здесь правила, – прорычал второй Инугами, а Кёко, быстро выпустив стрелу ему под ноги, ловко спрыгнула на землю.

– Это город клана Ооками, а вы лишь присматривали за ним, пока хозяева отсутствуют.

– Все волки мертвы, – ответил Инугами.

– Ложь, и вы это знаете! – оскалилась Кёко. – Будь оно так, вы бы уже давно перебрались в замок, но он не пожелал открыть для вас двери. И как по-вашему? Кто каждую ночь зажигает в нём свет?

Кёко зарычала, лицо и руки её покрылись седой шерстью, на макушке появились огромные волчьи уши, клыки удлинились, а на пальцах выросли острые, как ножи, чёрные когти. Толпа восторженно загудела. Инугами недоверчиво попятнулись.

– Ты явилась отобрать у нас землю? – зарычал самый могучий из воинов.

– Я явилась воззвать к вашей клятве служить клану Ооками, – спокойно ответила Кёко. – А ещё я привела Деву Истока.

Она указала пальцем на Мико, и все разом обернулись. Мико же застыла на месте, так и не добравшись до толпы. Дева Истока? Ей уже дали имя? Слухи разлетелись по землям Истока и приобрели новые формы быстрее, чем она думала.

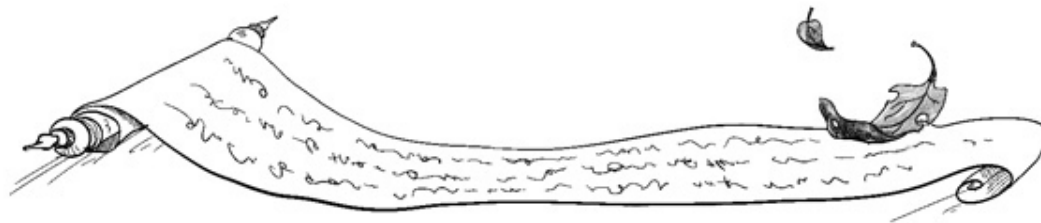
– Это она! Смотрите, золотой шрам! Дева Истока! Дева из песен! Поцелованная Духом! Истинная Хранительница острова! – зашептались все, хватая друг друга за рукава, переглядываясь и глядя на Мико во все глаза. Старик с обломанными рогами глубоко поклонился, и все заторопились последовать его примеру. Склонилась и Кёко, отступив на шаг, слегка опустил голову Райдэн. Только Инугами не торопились гнуть спины.

– На этой земле не будет другого правителя, кроме Нагамасу Инугами! – взревел воин и ринулся на Мико с мечом наперевес.

Мико выхватила меч, но Кёко её опередила: в один прыжок обратилась в волчицу и бросилась на спину воину. Клацнули зубы, затрещал позвоночник. Волчица дёрнула мордой и по земле покатила откушенная голова. Все замерли, с ужасом глядя на происходящее. А Кёко уже вернула себе человеческий облик, подобрала с земли голову за растрёпанный пучок волос, грациозно распрямилась, нагая и прекрасная, и вытерла предплечьем кровь с лица.

– Никто не покусится на Деву Истока, – сказала Кёко оставшимся Инугами. – И никто не тронет этих несчастных. – Она указала откушенной головой на толпу. – Они останутся в Небесном городе на правах его жителей. А вы, трусливые псы, ведите нас к Нагамасу, поговорим, во что он превратил *мой* город.

Глава 5. Стая

Ёкаи окружили Мико быстрее, чем она успела моргнуть. Они кланялись, тянулись к её одеждам, просили помощи и исцеления.

– Прошу, прошу, Хранительница, мой ребёнок болен, прикоснитесь к нему. Я слышала, что вы исцелили несчастных на севере! – Когти аккуратно сжали рукав кимоно, чтобы удерживать, а не разорвать Мико на куски, глаза смотрели с восхищением, а не с ненавистью или голодом.

Мико накрыла ладонь женщины своей и пообещала вернуться. Она знала, что не сможет помочь им, но не хотела лишать надежды тех, у кого её почти не осталось. В конце концов, может, они смогут что-нибудь придумать, в конце концов она не одна.

Райдэн с Кёко быстро оттеснили Мико от толпы и повели вслед за Инугами. Кёко завернулась в хаори Райдэна, которое, и без того длиннее привычного, с их разницей в росте почти заменило ей кимоно. Она шла чуть впереди, гордо вскинув голову, и шагала так решительно, что, казалось, в любой момент готова снова обратиться волчицей и броситься на Инугами. В руке она продолжала нести откушенную голову.

– Значит, всё это время на нашей стороне был целый клан? – спросила Мико как можно тише, чтобы псы её не услышали.

Райдэн покачал головой. Он выглядел ещё более напряжённым и насторожённым, чем Кёко.

- Нет, и Кёко не должна была призывать их.
- Почему?
- Потому что это плохо закончится.
- Для нас?
- Для неё.

Мико хотела задать ещё сотню вопросов, но решила отложить их на потом – Райдэн был занят. Глядел по сторонам, выискивая опасность. И не зря. Чем ближе они подходили к огромному дому главы клана, тем больше Инугами появлялось вокруг. И все они смотрели недружелюбно. Некоторые открыто рычали, завидев оторванную голову своего брата. Бросаться в бой не спешили, но Мико понимала: стоит завязаться драке – выстоять против целой стаи псов будет непросто.

Инугами распахнули тяжёлые деревянные ворота, открыв вид на сад и большой дом в окружении сосен. Дом стоял углом – одно его крыло лежало на земле, а второе – стояло на сваях, возвышаясь над зеркальным прудом, в котором хлопали ртами карпы.

Слуги поспешили проводить гостей к парадному гэнкану, кланяясь и испуганно улыбаясь.

– Скажи господину Нагамасу, что волчица требует встречи, – сказал один из Инугами слуге, и тот тут же скрылся за дверью.

Дом дышал богатством. Расписные стены и двери, новенькие татами, узорные перегородки между комнатами. Приятный аромат цветов и идеальная чистота так не походили на смрад и грязь Небесного города, что Мико даже показалось, что она где-то пропустила брешь и они оказались в совершенно другой части острова. Похоже, Инугами, в отличие от остальных жителей, не знали лишений и бедности.

У расписанных горным пейзажем дверей, к которым подвели Мико, Райдэна и Кёко, стоял перепуганный слуга.

– Господин Нагамасу занят, – пискнул он, усердно кланяясь. – У него гость, и он не может принять...

Кёко цыкнула, одним движением отодвинула с дороги слугу и, прежде чем Инугами опомнились, распахнула двери в зал.

Нагамасу был огромным. Высоким и необъятным. Он практически заслонял собой ширму с изображением хризантем, сидел, скрестив большие, как колонны, ноги и сложив руки на покоем на барабан тайко животе. Напротив, спиной к дверям, в сейдза расположился гость, казавшийся маленьким и ничтожным на фоне возвышающейся перед ним скалы.

Нагамасу перевёл на Кёко тяжёлый и очень недовольный взгляд.

– Ну, и кто ты такая? – грубо сказал он, хмурясь. – Смеешь врваться ко мне без спроса? Да ещё и в таком виде.

Кёко швырнула на пол оторванную голову воина. Она прокатилась по татами, оставляя за собой кровавый след, и замерла у ног Нагамасу, тот взглянул на голову своего собрата без особого интереса.

– Я Кёко, последняя из рода Ооками, и я пришла напомнить Инугами о клятве, которую... – Она осеклась, только теперь заметив гостя, который терялся на фоне хозяина дома. Гость обернулся, глядя на Кёко во все глаза.

Мико тут же его узнала. Такая – лекарь и старый друг Кёко, который помог принцу Хидэо по дороге в земли Истока. В их прошлую встречу он храбро сражался с ёкаями, напавшими на деревню, а сейчас казался перепуганным и бледным.

– О клятве, которую вы принесли моему роду, – пересилив себя, продолжила Кёко, оторвала взгляд от Такаи и вернулась к Нагамасу. – И...

– Ваш род давно вымер... – усмехнулся Нагамасу, но Кёко угрожающе зарычала, заставив его замолчать.

– Не смей перебивать волка. – На макушке у Кёко показались звериные уши, на руках прорезались когти. – Предыдущему псу я откусила голову.

Если Нагамасу и испугался, то виду не подал, продолжая хмуро глядеть на Кёко, но говорить перестал.

– Я взываю к вашей клятве и требую присягнуть мне на верность, как единственной и неизменной госпоже, как того требует договор наших предков.

– Кёко, постой... – Такая развернулся к ней всем телом, ещё бледнее прежнего, но Нагамасу вскинул руку, призывая его замолчать.

– Не вмешивайся, щенок. А ты, волчица, без приглашения пришла в мой дом требовать исполнения клятвы, но знаешь ли об условиях того, о чём просишь?

Кёко сжала кулаки, каменя. Челюсти её сомкнулись, а голос прозвучал хрипло и низко:

– Да.

На лице Нагамасу появилась плотоядная усмешка, карие глаза превратились в щёлочки.

– Да? Испокон веков держала клятву одна из ваших волчиц, её покрывали наши кобели, и считалась она нашей до самой своей смерти, и тогда сменяла её другая. А Глава рода Ооками отдавал нам по одному волчонку из каждого помёта своей жены, чтобы жили они среди Инугами и были Инугами. Их сила и свежая кровь обеспечивали нам процветание. Взамен мы верно служили клану Ооками и почитали как старшего брата. – Его ухмылка стала ещё шире,

а взгляд оценивающе прошёлся по Кёко с головы до ног. – Только вот ты, волчица, осталась в своём роду одна. А значит, и клятву держать тебе одной.

Мико похолодела, не веря своим ушам. Он сошёл с ума? Кёко никогда не пойдёт на подобное отвратительное, совершенно бесчеловечное...

– Я знаю условия, и я согласна, – слова Кёко громом отозвались в голове Мико, и она повернулась к Райдэну. Это надо остановить! – Но, думаю, Нагамасу, ты понимаешь, что я, как Глава клана Ооками, не смогу жить среди Инугами и... исполнять необходимую роль, поэтому прошу изменить условия клятвы.

Нагамасу вскинул брови, хмыкнул себе под нос и задумался.

– Изменить условия? – протянул он, постукивая пальцами по подбородку. – Пожалуй, я могу предложить тебе вариант. Мы могли бы объединить кланы. Стань моей наложницей. Вместе мы возродим клан Ооками, я стану его главой, а ты получишь поддержку моих воинов. Ты же за этим пришла? Сними хаори, дай взглянуть, за что предлагаешь мне заплатить.

Кёко зарычала, но, помедлив, всё же потянулась к поясу. Мико хотела рвануть вперёд, остановить её, но не успела.

– Нет! – Такая заслонил Кёко собой, утробно рыча. – Не смейте с ней так обращаться!

Нагамасу удивлённо приподнял брови и шумно втянул носом воздух.

– Как интересно, вздумал отнимать у меня женщину, щенок?

– Она моя! Она уже моя! – Казалось, Такая вот-вот бросится на Нагамасу.

– Да как ты смеешь! – взревел Нагамаса, тяжело поднимаясь на ноги и становясь ещё больше и страшнее, но Такая не дрогнул, только зарычал громче.

– Она принадлежит мне, и этого достаточно, чтобы держать клятву!

Их тела начали обрастать шерстью. Чёрная покрывала руки и лицо Нагамасу, светлая, как песок, – Такаи. Кёко, опешив, переводила взгляд с одного на другого. Остальные Инугами, почуввав опасность, стали склоняться к полу, готовясь перекинуться в псов.

– Позвольте вмешаться, господа! – Порыв ветра оттолкнул друг от друга Такаю и Нагамасу, и Райдэн грациозно вклинился между ними. Взмахом руки отеснил дальше Нагамасу, веером щёлкнул по носу Такаю.

– А ты кто ещё такой? – прищурился Нагамасу.

– Райдэн, тэнгу, бывший Хранитель этих земель.

– Сын Мегуми? – хмыкнул Нагамасу, и эта новость, кажется, пришлась ему по душе. – Я знал твою мать, храбрая женщина.

– Благодарю, она действительно была исключительной.

– Звала меня в свою банду. Как же их... Гозен, – хохотнул Нагамасу. – Убедительно болтала, я даже почти согласился. Только от неё смертью несло за целый ри.

– Про Гозен мы сможем поговорить чуть позже, тем более что теперь я его возглавляю и буду не прочь увидеть среди союзников такой сильный и уважаемый клан, как ваш, – запел Райдэн, очаровательно улыбаясь и лениво поигрывая веером. – Думаю, моя соратница Кёко не успела вам рассказать несколько важных и крайне занимательных деталей о союзе кланов. Ведь Инугами он будет выгоден не меньше, чем ей.

– Что же это за выгода? – Нагамасу заинтересованно прищурился и уселся обратно на татами. Шерсть с кожи исчезла, лицо разгладилось.

– Знал, что с вами можно иметь дело, друг мой! – Райдэн плюхнулся напротив и махнул веером притаившемуся в углу слуге. – Принесите-ка нам sake, пока господин Нагамасу не оторвал вам головы! А вам, друг мой Нагамасу, я сейчас расскажу, как на самом деле обстоят дела в землях Истока.

Мико не поняла, как так резко в комнате переменялось настроение и Райдэн перехватил инициативу, но не успела она и глазом моргнуть, как они уже все в рядок сидели за столом, полным еды, и пили за здоровье хозяев дома.

– Думаю, вы уже слышали, что Хранитель Нобу мёртв, – продолжил Райдэн, заговорщически понизив голос. – А знаете ли, кто сразил его в схватке?

– Доходили слухи, – кивнул Нагамасу. – Говорят...

– Четверо разметали сотню бушизару и сразили Нобу, – перехватил Райдэн. – Тэнгу, волчица, заклинатель и...

Взгляд Нагамасу метнулся к Мико, и ей захотелось провалиться сквозь землю, лишь бы спрятаться от этих маленьких колких глаз, но Мико заставила себя выпрямиться и решительно посмотреть в ответ.

– Человеческая девчонка со шрамом на лице, – хмыкнул Нагамасу и, к огромному облегчению Мико, вернул взгляд Райдэну. – Хотите сказать, что это были вы?

– Именно! Но я пришёл сюда не хвастаться, а поболтать о более важных вещах. Нобу выбыл из игры и больше не вернётся на Хого. Хранитель Акира... повержен нашим заклинателем и тоже оставил народ. Сколько продержится Кацуми – одним демонам известно. Но важно даже не это. Никто из Хранителей не может остановить войну, но тот, кто это делает, – Райдэн прищурился и хитро посмотрел на Нагамасу, – тот получит любовь народа и возможность стать новым Хранителем. На кону не затхлый город, когда-то бывший центром острова, друг мой Нагамасу, на кону земли Истока. И если вы присоединитесь к нам сейчас, сможете получить реальную власть.

Нагамасу самодовольно ухмыльнулся – речи Райдэна ему нравились.

– Странное же начало вы выбрали для разговора. – Он покосился на оторванную голову, которая всё ещё лежала на полу.

– О, я люблю яркие появления. – Райдэн ухмыльнулся ему в ответ. – Ну и ваш воин посмел покуситься на жизнь Девы Истока. Мы, разумеется, не могли допустить, чтобы пострадала та, кого благословил сам Дух острова.

Взгляд Нагамасу вновь вернулся к Мико, на этот раз задержался дольше, будто пытался рассмотреть то, чего прежде не мог. Осмотрел шрам, лицо, тронул взглядом шею, спустился ниже.

– Вы можете выступить на нашей стороне, вступить в Гозен, – сказал Райдэн, как показалось Мико, чуть громче, чем требовалось, и после короткой паузы выразительно добавил: – Пока ещё есть такая возможность.

Нагамасу ослабил:

– Тогда зачем нам клятвы? Выгоним людей с острова и поделим власть.

– Клятва будет гарантией, что ты не прикончишь нас, когда всё закончится, – прорычала Кёко, которая, похоже, всё ещё злилась то ли на Райдэна, то ли на Нагамасу, то ли ещё демоны знают на что.

Нагамасу расхохотался, и было в этом смехе что-то, что Мико поняла: именно так он и собирался сделать.

– Справедливо, волчица. Что ж, условия остаются прежними. Стань моей наложницей – и получишь воинов.

– Видите ли, я кое-что смыслю в сделках и клятвах, – непринуждённо сказал Райдэн и почесал себя за ухом, как будто размышляя. – И клятва роду, насколько мне известно, действует до тех пор, пока жив хотя бы один его представитель. То есть Кёко может требовать её исполнения, а вы не сможете отказать.

Нагамасу помрачнел. Кажется, он знал об этом. Кёко удивлённо покосилась на Райдэна – она явно была не в курсе.

– Но также вы правы в том, что условия со своей стороны Кёко исполнять необходимо. А условие – это подтверждение связи кланов, такое, какое безоговорочно примет магия, например официальный брак и обмен душами, а после – дань в виде ребёнка. Вы, Нагамасу, уже обменялись душой со своей женой, и, насколько мне известно, она ещё жива, поэтому сделать

того же с Кёко уже не можете. А эти двое, – он указал на Кёко и Такаю, – не только без пары, но и уже разделили одну жизнь на двоих.

– Разделили жизнь? – Нагамасу недоверчиво покосился на них.

Кёко и Такаю продемонстрировали ему руки. По левому предплечью у каждого тянулся от запястья к локтю розовый шрам.

– Эти двое могут заключить брак, Кёко возглавит клан Ооками и после сможет выполнить остальные условия клятвы. Про щенков, помёты и прочие радости волчьей жизни.

– Это условия, на которых я готова призвать клятву, – сказала Кёко и с вызовом посмотрела на Нагамасу. – Предлагаю один раз. Если ты не согласен, мы уйдём. И кто знает, с какими условиями вернёмся позже. И будем ли вообще что-то предлагать.

Нагамасу молчал, размышляя. В комнате повисла тишина, все замерли в ожидании. Только Райдэн непринуждённо потягивал sake, закусывая мясом, и, казалось, ни о чём не беспокоился. Такаю не сводил глаз с Кёко, будто готовясь в любой миг броситься её защищать своим телом. Кёко же продолжала с вызовом смотреть на Нагамасу. Сидела она ровно, будто проглотила кол, кулаки, сжатые так сильно, что побелели костяшки, лежали на бёдрах. Мико пыталась угадать, о чём размышляет Нагамасу, но лицо его было бесстрастно, а напряжение в комнате ощущалось так явственно, что ничего другого Мико почувствовать не удавалось.

– Так и быть, – наконец сказал Нагамасу. – Мой племянник Такаю возьмёт тебя, волчица, в жёны. С каждого помёта вы будете отдавать нам по щенку. И первая родившаяся девочка будет принадлежать нам. Она станет невестой клана и будет покрыта, как того требует древний договор наших предков.

Кёко сглотнула и кивнула.

– Проведём церемонию обмена душ завтра же, – сказала она охрипшим голосом.

Нагамасу склонил голову.

– Мы подготовим всё к празднику.

– Не стоит, мы вдвоём... – начала было Кёко, но Нагамасу не позволил ей закончить.

– Кланов воссоединятся спустя сотни лет. Если вы хотите, чтобы псы служили вам верой и правдой, покажите, что теперь вы часть семьи и чтите традиции тех, кого поведёте за собой. Тем более если собрались замуж за моего племянника.

Глава 6. Песня прощания, песня любви

Стоило воротам дома Нагамасу закрыться за их спинами, все выдохнули с облегчением, а Мико тут же набросилась на Кёко:

- Ты что творишь? Ты хоть понимаешь, на что соглашаешься?!
- Нам нужны помощники, и я их раздобыла.
- Какой ценой!

Кёко бросила быстрый взгляд на Такаю, который покинул дом вместе с ними, и тут же отвернулась. Такаю шёл последним, хмуро смотрел себе под ноги, напряжённо о чём-то задумавшись.

– Какая разница, если я готова её заплатить? И вы, – она вдруг разозлилась, – не должны были вмешиваться! Особенно ты, Такаю!

Он вскинул голову, поражённый её словами.

- Если бы я не вмешался, он бы сделал тебя своей шлюхой!
- И я была на это согласна! Какого демона тебе надо было в это лезть?!
- Ах, ну прости, что беспокоюсь о тебе!
- Я сама о себе беспокоюсь!

– Молча смотреть, как ты в очередной раз творишь безумства? – Такаю продемонстрировал шрам разделённой на двоих жизни. – Может быть, ещё следует отойти в сторонку, если ты решишь обожраться гинкго?

– Именно так тебе и следует сделать! – Кёко резко развернулась и ткнула Такаю пальцем в грудь. – Но не переживай, я не собираюсь обрывать твою жизнь.

Мико вздрогнула. Кёко поделила жизнь с Такаей, и теперь он будет жить до тех пор, пока бьётся её сердце. Поэтому он так беспокоится? Боится, что если Кёко сделает что-то с собой, то он погибнет? Нет, – Мико была уверена, – ответ крылся в другом. Смерти Такаю не боялся.

Он оттолкнул руку Кёко и стремительно шагнул ей навстречу, заставив попятиться.

– Ты не бросила меня тогда, и я тебя бросать не собираюсь!

– Меня. Не нужно. Спасать! – прорычала Кёко, в мгновение ока перекинулась в волчицу и придавила Такаю лапами к земле. Нависла над ним, скаля огромные клыки. Он рычал и скалился в ответ, но в пса не обращался. Угрожающе клацнув зубами у самого его лица, Кёко развернулась, в один прыжок вскочила на ближайшую крышу и умчалась прочь, сбив задними лапами несколько черепичин. Они упали на ведущую к дому дорожку и разбились. На энгаву, ругаясь, выскочил старый ёкай.

Такаю застонал и обессиленно уронил голову, глухо ударившись затылком о землю.

– Ей нужно остыть. – Райдэн протянул ему руку, чтобы помочь встать. – Всё... слишком сильно запуталось.

– На тебя она не накинулась, хотя ты тоже вмешался, – проворчал Такаю и, приняв помощь, поднялся на ноги.

– О, меня она обещала убить! – ухмыльнулся Райдэн. – Так что ты ещё легко отделался. Такая веселья Райдэна не разделял, мрачно смотрел на небо в той стороне, куда сбежала Кёко.

– Я, конечно, понимаю, ты безумно любишь её, но не стоило вот так вынуждать связываться с тобой души, – продолжил Райдэн.

Такая перевёл на него взгляд, такой ошарашенный, будто Райдэн только что всадил ему нож между лопаток.

– Я даже не думал, я не собирался вынуждать её...

– Она только что потеряла возлюбленного, а теперь ей предстоит снова обменяться душами, навсегда связав себя со своим другом, – Райдэн кивнул на Такаю, – который пожертвовал своей свободой, чтобы не дать другому ёкаю завладеть её телом. Ей придётся жить с тобой, чувствовать тебя каждый миг, до самой смерти, и рожать от тебя...

– Я не прикоснусь к ней! – оборвал его Такая, раскрасневшийся, взъерошенный. Собачьи уши прильнули к голове, руки сжались в кулаки. – Я пальцем её не трону, я хочу, чтобы она была в безопасности!

– Тебе придётся, – покачал головой Райдэн, скрепя руки на груди. – И ей придётся, иначе клятва обернётся против вас и Инугами отнимут ваши жизни. Не нужно брать на себя то, к чему ты не готов, Такая.

– Глупости! Просто скажем всем, что у нас нет детей, так бывает со многими ёкаями, и тогда не нужно будет...

– Не пытайся обмануть магию, если не хочешь расплаты. Ты должен знать, что такие уловки заканчиваются плохо.

– Должен быть способ! – Такая схватился за голову.

– Он есть. – Райдэн оглянулся на дом Инугами, который высился в конце улицы. – Убей Нагамасу, возглавь клан и на правах вожака измени условия клятвы.

– Убить? Что ты такое говоришь...

– Если не можешь защитить того, кого любишь, хотя бы не болтай попусту, – цыкнул Райдэн, став угрожающе серьёзным. – А если действительно хочешь спасти Кёко, то для начала спроси, чего хочет она.

* * *

– Это было жестоко, – сказала Мико, когда они с Райдэном вернулись в замок. Такая ушёл в противоположную сторону – проветрить голову. – То, что ты наговорил...

– Это Такая поступил с Кёко жестоко. – Райдэн скинул с ног гэта и сошёл с гэнкана. – Теперь она будет винить себя не только в том, что убила Хидэо и развязала войну, но и в том, что привязала к себе Такаю. Она делала то, что считала нужным...

– Нет, не делала. Она жертвовала собой! Кёко не может убить себя, потому что так убьёт и Такаю, – вот и решила сделать себе больно по-другому.

– И она уж точно не хотела, чтобы Такая страдал вместе с ней! Думаешь, для этого она ему жизнь спасла?

– А он об этом её просил? – всплеснула руками Мико.

– А это тут при чём? – огрызнулся Райдэн.

– Притом, что человек не всегда в состоянии позаботиться о себе, даже если сам считает иначе! Не всегда может попросить о помощи. Нельзя просто отмахнуться от него со словами «это его выбор» или «так уж сложилось». – Мико решительно ударила ребром одной ладони по раскрытой второй. – Кёко спасла Такаю без спроса, а он без спроса попытался спасти её, потому что сейчас она не может позаботиться о себе. Она была готова продать себя и своё тело своре псов, чтобы раздобыть нам воинов, Райдэн! Хотя мы об этом её не просили!

Райдэн привалился к стене, тяжело вздохнул, опустив голову, и потёр пальцами веки, стараясь собраться с силами.

– Демоны Бездны. Почему всё вечно идёт наперекосяк?

– Потому что мы делаем очень сложное дело. – Мико шагнула ему навстречу, смягчаясь. Обхватила ладонями его лицо, приглашая посмотреть ей в глаза. – Никто из нас не был к нему готов. Но мы справляемся. Ты справляешься.

Райдэн наклонился к Мико, положил руки ей на талию и привлёк к себе. Лбы их соприкоснулись. Мико прикрыла глаза, положила ладони Райдэну на грудь и затаилась, ловя губами его дыхание и чувствуя, как он медленно успокаивается.

– Прости, – шепнул он, – что тебе приходится приводить меня в чувство.

– А разве пара не должна заботиться друг о друге? – улыбнулась Мико.

Райдэн отпрянул от неё, широко распахнув глаза и стремительно краснея:

– Что ты...

Входная дверь скользнула в сторону, и на пороге появился Ханзо с огромным тюком в руках, на его плечах, ухватившись за рога, сидела Юри и болтала ногами.

– Мы раздобыли фютон для госпожи Кёко! – радостно воскликнула Юри, сверкая кошачьими глазами. – Продавец нам его подарил! Любезно отказался брать денежку и плакал от радости! А ещё рассказал, что у него есть жена и дети, которых он очень хочет увидеть снова. Наверное, его лавка очень далеко от дома и он сильно скучает...

Мико понимающе улыбнулась, представляя, как перепугался несчастный, увидев в своей лавке настоящего демона. Юри ловко спрыгнула на пол и зашлёпала в сторону кухни, напевая нестройную песенку про мисо-суп.

– Я отнесу фютон в комнату, – сказал Ханзо, снимая обувь.

– Спасибо, – кивнула Мико. – Ты как? Я уверена, продавец не хотел тебя обидеть.

– Всё хорошо, – бесцветно ответил Ханзо, глядя в сторону, и скрылся за ближайшим поворотом прежде, чем Мико успела сказать что-то ещё.

В коридоре появился Ицуки с подносом в руках. Из глиняного чайника тянулась струйка пара, и нос тут же защекотал аромат плодов гинкго. Завидев Мико с Райдэном, он улыбнулся и мотнул головой, приглашая следовать за ним.

В комнате Макото пахло травами и кровью. Сам он лежал на футоне и на каждый выдох издавал тихий стон. Открыл глаз, разбуженный шумом, но тут же закрыл, будто даже на это простое действие у него не доставало сил.

Ицуки сел рядом и налил в чашку отвар из гинкго, Райдэн помог Макото сесть, чтобы Ицуки было удобнее его поить. Мико стала готовить свежие повязки, которые Юри утром сложила в плетёную корзину в углу.

Любовь – это проклятие. Так однажды сказал Райдэн. Она заставляет совершать недуманные поступки – тоже его слова. И, признаться честно, до сих пор Мико ни разу всерьёз не думала об этом. Была ли любовь проклятием? Слепая любовь к Акире почти уничтожила Мико. Чувства Райдэна, возможно, сгубили Хотару. Всеобъемлющая любовь Кёко стала началом войны. Ревность Макото привела его в руки к Кацуми. Любовь Такаи втянула его в сделку кланов. Казалось, что этот список можно было продолжать бесконечно. И в конце концов, стоит ли любовь того? Мико бросила взгляд на Райдэна. Есть ли в мире те, кому любовь приносит счастье? Тихое, ровное, лишённое бурь счастье. И сможет ли кто-то из них его обрести?

Мико отдала повязки Ицуки, а он протянул ей вторую чашку с отваром. Когда Мико приняла её, сложил пальцами замысловатые знаки.

– Говорит, выпей, – перевёл Райдэн. – И спрашивает, нет ли у тебя болей. Голова, сердце, идёт ли из носа кровь?

Мико осушила чашку и покачала головой.

– Нет, ничего такого. А что? Стоит беспокоиться?

Ицуки заулыбался и продолжил череду знаков.

– Если ничего не болит, то и беспокоиться не о чем. Не забывай пить отвар перед сном и больше отдыхай.

Когда с повязками Макото было покончено и его, измученного и тихого, уложили обратно на футон, Мико решила послушать совета Ицуки и отправиться спать. Ицуки позвал Райдэна прогуляться по саду.

Солнце уже почти село, и Мико удивилась, что они провозились с обработкой ран так долго. Тело Макото было изувечено, и некоторые раны успели загноиться из-за сырости и грязи темницы настолько, что заживляющей мази хватило только на половину из них, и Ицуки пришлось идти за новой баночкой. С глазом дела обстояли хуже всего – Кацуми выжгла его полностью. Удивительно, как Макото вытерпел такую боль.

Мико вышла подышать свежим воздухом, чтобы прийти в себя после увиденного. Когда она проходила мимо купален, услышала тихое пение:

Коль уснёшь ты на долгий век,
Заверну я тебя в шелка.
Отнесу на песчаный брег,
Будет ноша моя легка.

И когда набежит прибой,
Я в последний разок спою.
И волна заберёт с собой
Печаль мою...

Голос Кёко отражался от бамбуковых стен ротенбуру и тонул в тумане горячих источников. Удивительно нежный мотив приобретал необычное звучание, укутанный её низким тембром. И казалось, что сама ночь тянулась на её зов, сгущала тени вокруг ротенбуру, скрывая Кёко от всего мира. Потускнел огонь в каменных торо, потухли светлячки, даже луна закатилась за облака, унося с собой свет.

Мико осторожно заглянула в ротенбуру. Нагая Кёко сидела на краю купели, опустив одну ногу в воду, а другую подтянув к подбородку и положив голову на колено. Волосы белой волной падали на спину и плечо. Кёко смолкла, завидев Мико, и улыбнулась.

– Присоединяйся, волчонок, – сказала она и соскользнула в воду, не заботясь о том, что волосы касались воды.

Мико молча скинула одежду и пошла к бочке с водой, чтобы помыться, прежде чем забраться в онсэн. Кёко снова запела себе под нос, на этот раз без слов, подобрала волосы и скрутила в тугой пучок на макушке.

Мико забралась в горячую воду и запрокинула голову. На небе не было звёзд, только луна слабо просвечивала сквозь мутную дымку.

– Как ты? – спросила Мико.

– Жить буду.

– Ты как-то сказала, что просить помощи не слабость. – Мико обернулась к Кёко, та смотрела на дикий сад. – Я хочу, чтобы ты знала, что, если помощь нужна тебе, я рядом. Все мы рядом.

– А по-моему, это я вам помогла, – хмыкнула Кёко, откидываясь на борт купели. – Уже завтра весь клан Инугами будет сражаться на нашей стороне.

– Спасибо тебе за это, – ответила Мико. – В следующий раз давай сначала обсудим план действий, прежде чем... отрывать кому-то головы и продавать себя в рабство.

Кёко громко рассмеялась.

– Договорились, волчонок! В следующий раз – обязательно, – голос её смягчился и стал тише: – Извини, что заставила волноваться.

– Угу.

Они надолго замолчали: слушали, как журчит вода, выливаясь из бамбукового желоба. Из-за облаков наконец выглянула луна и нырнула в купель, Мико перебирала пальцами воду, заставляя отражение менять формы. Кёко оперлась локтями о борт и закрыла глаза, от её кожи исходил зыбкий пар, смешиваясь с туманом, с волос на плечи и грудь падали и сбегали обратно в онсэн капли.

– В своей жизни я не жалела всего о двух вещах, – нарушила тишину Кёко и вернула взгляд ночному небу. – О том, что встретила Хидэо, и о том, что спасла жизнь Такае. Тогда я даже подумала, что моя жизнь хоть чего-то стоит. А в итоге... одного я убила, а другого завтра привяжу к себе и навеки сделаю несчастным. Впрочем, ничего нового, я всё порчу уже двести с лишним лет. – Кёко мрачно рассмеялась.

– Ты о чём?

Кёко ответила не сразу, будто собиралась с силами. Мико терпеливо ждала. Подул холодный ветер, поэтому она погрузилась в горячую воду по самый подбородок.

– Волки вымерли далеко не сразу после того, как клан Ооками свергли, – наконец начала свой рассказ Кёко. – Они не прекращали попыток вернуть власть, бились до тех пор, пока волков и Инугами не осталась лишь жалкая горстка. Всё, на что хватало сил, – удерживать под своим контролем Небесный город. А потом наша провидица предсказала моё рождение. – Кёко закатила глаза и изобразила торжественный тон: – Рождение белой волчицы, которая изменит судьбу клана. Мои родители тогда возглавляли клан, и в помёте я оказалась единственным белым волчонком. Я ещё не успела оторваться от материнской сиськи, а меня уже начали готовить к великой цели. Бесконечные тренировки, чтение, каллиграфия, этикет – Ооками помещаны на этикетке – в моей жизни было столько правил и опеки, что я не могла дышать. Мне... мне даже молились. Волки пали, но в землях Истока было достаточно ёкаев, которые хотели бы снова увидеть их на троне. Хранители узнали об этом и обо мне. Стали собирать войско, чтобы подавить восстание ещё до его начала. Они подошли к городу: Кацуми, Нобу и бессчётное число бушизару. Мне сказали вести волков в бой, провидица сулила нам победу и моё восхождение на Хого. Мне было всего восемнадцать, это мало даже по меркам людей, не то что по меркам ёкаев... – Кёко замолчала, опустила взгляд, словно силясь разглядеть в тёмной воде картины прошлого. – Я так испугалась. Я ничего этого не хотела: ни битвы, ни власти, ни своего предназначения... – Она вздохнула и отвернулась от своего отражения. – Я сбежала в ночь перед битвой, ушла в земли людей. Родители никому не сказали, отправили Такаю найти меня и вернуть. Они сами повели волков в бой. И на этот раз Хранители убили всех волков до последнего... Я часто думала: останься я, что бы случилось? Я бы тоже умерла? Или... как и предрекала провидица, мы бы победили? Я должна была спасти клан, но моя трусость его уничтожила.

Когда Такая нашёл меня, возвращаться было уже некуда, да и опасно, – узнай Хранители, что кто-то из волков уцелел, пришли бы за мной. Но я и не собиралась возвращаться. Затерялась среди людей, скиталась то человеком, то волком, а Такая тенью следовал за мной. Мне нравилась его компания, нравилось, что я не одна.

Потом началась война с Империей Хэ. Я пошла на неё то ли ради забавы, то ли чтобы доказать себе, что не трусиха. За мои седые волосы и жестокость к врагам меня прозвали Юкианэса¹. Даже на войну Такая пошёл за мной. И чуть не умер. Тогда я сбежала и от него. Замела

¹ Снежная сестра (*яп.*).

следы так, чтобы даже он не нашёл меня. Первую жизнь я ему испоганила, заставив присматривать за нерадивой наследницей, надеялась, что хоть вторую он проживёт свободным...

– Он искренне любит тебя, – тихо сказала Мико.

– Я знаю... Всегда знала. И я слишком долго пользовалась его любовью. Во всех смыслах. – Кёко бросила на Мико многозначительный взгляд и грустно улыбнулась. – Знаешь, когда я сегодня увидела псов, подумала, что это мой шанс хоть что-то исправить, хоть что-то сделать *правильно*. Перестать убегать и наконец исполнить своё предназначение.

– Нет никакого предназначения, – покачала головой Мико. – Тебе не суждено спасти клан, я никакая не Дева Истока, а Хотару даже не дожила до снятия печатей с острова. Мы сами придаём этому смысл: я, ты, люди, ёкаи. Нам кажется, что так мир становится понятным, что мы... знаем, что делать. Но на деле мы – это просто мы, и нас определяют не чьи-то слова и даже не чья-то вера. Неважно, кто ты, важно то, что ты делаешь.

Кёко хмыкнула, скрывая смущение.

– Тогда я даже не знаю, что хуже. Ты слушала? Я за свою жизнь наворотила немало.

– Это правда, и этого уже не исправить. Но можно разобраться с последствиями. Просто знай, что ты не сама по себе. – Мико тепло улыбнулась. – Ты одна из нас, волчонок.

На несколько мгновений Кёко застыла, таращась на неё, а потом её нижняя губа задрожала, глаза наполнились слезами, и она буквально набросилась на Мико, повалив на спину. Всколыхнулись волны, брызги полетели во все стороны, Мико провалилась под воду, но Кёко тут же выдернула её обратно, стискивая в объятиях и громко рыдая. Настолько, что у Мико заложило ухо.

– Ты такая прекрасная! Прости меня за всё, пожалуйста! Я так тебя люблю! Я без раздумий оторву голову каждому, кто заставит тебя пла-а-а-кать! – Последнее слово превратилось в неразборчивый вой.

Мико, не зная, смеяться ей или плакать, обняла Кёко в ответ и погладила по спине.

– Вот именно такие вещи я и прошу обсуждать заранее. Отрывание голов под номером один в списке.

Кёко всхлипнула.

– Ну, Акире-то я могу голову оторвать? – спросила она так невинно, будто просила у родителя купить сладости в лавке.

– Давай попробуем никому в ближайшее время голов не отрывать, хорошо?

– Ты ещё и такая добрая-я-я-я! Почему ты такая добрая-я?

Мико улыбнулась и обняла Кёко крепче.

– Потому что мир не изменится, если я буду на него злиться. Я проверяла. Но меч у меня заточен.

Кёко плакала ещё долго. По Хидэо, по своим ошибкам и по своему прошлому, но в конце концов слёзы высохли, она отпустила Мико, вытерла раскрасневшийся нос и выпрямилась.

– Ну вот, завтра на собственной свадьбе буду с красными глазами, – проворчала она.

– Уверена, что готова пойти на это? – спросила Мико. – Ещё не поздно отказаться. Мы найдём способ...

– Уверена, – Кёко кивнула. – Ты права, я не могу вернуть прошлое, отменить войну и спасти Хидэо, но я сделаю всё, что в моих силах, чтобы эту войну остановить.

– Мы, – Мико взяла её за руку, – вместе.

Кёко в ответ сжала её пальцы.

– Вместе.

Глава 7. Волчица и Пёс

Кёко сидела на длинном балконе, в замке, который помнил её рождение и её уход. Теперь он запомнит и день, когда она вернулась. Замок почти умер, магия исчезла вместе с его обитателями, покинула древние залы и едва теплилась в трещинах стен, упорно не подпуская чужаков. Замок натужно, едва различимо скрипел прогнившими половицами и шелестел пожелтевшей, проросшей плесенью бумагой в сёдзи, давая понять Кёко, что всё ещё жив, что всё ещё ждёт. Кёко чувствовала его дыхание каждый раз, как приходила сюда на тайные встречи с Райдэном и остальными, но каждый раз делала вид, что не слышит.

Кёко положила ладонь на тёплое дерево, и магия тут же собралась под её кожей, принялась лизать руку, как пёс, давно не видевший хозяина. Магия пахла бабушкой – мятой и шалфеем. Бабушка любила этот замок, наполняла его своей магией, как до этого наполняли её предки.

Сёдзи соседней комнаты зашуршали, и на балкон вышел Такая.

– Вид как у побитой собаки. – Кёко смерила его взглядом и протянула бутылку сливового вина, которую утащила с прилавка, волчицей пробегая мимо рынка.

Такая не ответил, сел рядом и, взяв бутылку, прильнул к горлышку. Внизу, в городе, который когда-то был их домом, горели огни – беженцы, которые не нашли ночлег, грелись у костров. Надо бы озаботиться и найти им жильё – раз уж завтра этот город снова станет принадлежать клану Кёко и раз уж по её вине эти ёкаи лишились своих домов. По её вине когда-то прекрасный и величественный Небесный город – живое сердце земель Истока – превратился в трущобы.

– Когда ты родилась, я поклялся защищать тебя, – наконец нарушил тишину Такая и поставил бутылку рядом с собой.

Кёко фыркнула.

– Тебе было пять, Такая, и тебя никто не спрашивал! Ты даже не понимал, что такое клятва. Всё решили за нас. Как всегда.

– Я никогда об этом не жалел. – Такая повернулся к ней и посмотрел в глаза. В его она видела отражение звёзд. – Ни одного дня за всю свою жизнь.

Кёко отвернулась, не в силах больше выдержать его взгляд.

– Я использовала тебя.

– Я знаю, – голос Такаи звучал мягко и спокойно, в нём не было ни укора, ни сожаления.

– Я никогда тебя не полюблю. – Кёко резко повернулась и с вызовом посмотрела на Такаю, надеясь оттолкнуть его, но встретила то же бесконечное спокойствие и... принятие.

– Я знаю.

Кёко зарычала и опрокинулась на спину, закрывая лицо руками.

– Ты невыносим! – пробурчала она в ладони.

Такая рассмеялся и ничего не сказал. Кёко отняла руки от лица и уставилась в усеянное звёздами небо. Такая тоже на него смотрел, туда, где сияли созвездия Волчицы и Пса, спина к спине, намертво переплетённые друг с другом хвостами, так же крепко, как веками сплетались кланы Ооками и Инугами.

– Шаманка Тоонинтэмах из племени Кита-мори и охотник Такэру из племени Минами-мори, – вспомнил Такая старую историю, которую каждому из них рассказывали в далёком детстве. – Три дня Тоонинтэмах убегала от Такэру, потому что племя Минами-мори истребляли своих северных соседей, тех, кто выглядел иначе, говорил на ином языке и поклонялся другим богам. К ночи добралась Тоонинтэмах до вершины горы Хого, надеясь укрыться в святилище Сияющей Богини, на священной земле которого запрещено было проливать кровь. Пройдя спасительные тории, Тоонинтэмах остановилась, чтобы перевести дух. Но Такэру, захваченный охотой, поглощённый желанием догнать добычу, не остановился и выпустил стрелу Тоонинтэмах в спину. Упала она, поражённая выстрелом, но ещё дышала. Такэру прошёл сквозь тории и приставил к горлу Тоонинтэмах нож, чтобы завершить начатое. Но тут задрожала земля и стало вокруг светло, как днём, – это яркая, будто полуденное солнце, вышла из святилища Сияющая Богиня, разгневанная тем, что Такэру посмел осквернить её храм.

«Как посмел ты пролить кровь на моей земле? – спросила Богиня. – Почему гонишь женщину, как дикого зверя?»

Упал Такэру на колени, поклонился, коснувшись лбом земли: «Эта женщина и есть дикий зверь – носит шкуры вместо шелков, чернилами покрывает лицо, но что хуже всего – не чтит Сияющую Богиню».

«А ты глуп и слеп, охотник, раз не в силах различить, где зверь, а где человек, – отвечала Богиня. – И это ты не чтишь меня, раз дерзнул нарушить запрет и отнять жизнь в моём святилище».

Такэру хотел оправдаться, но Сияющая Богиня взмахнула рукой и обратила его в чёрного пса, подошла к умирающей Тоонинтэмах, вынула стрелу из её спины и, коснувшись лба, обратила в белую волчицу.

«Ты больше не добыча, Тоонинтэмах, я даровала тебе силу, чтобы противостоять врагам, и эту силу обретёт и твой народ. А ты, Такэру, и весь твой народ отныне будете следовать за Тоонинтэмах и хранить её и её детей, и будет так всегда, потому что вы – одно».

Так шаманка Тоонинтэмах стала первой из Ооками, а охотник Такэру – первым из Инугами.

– Чего это ты решил вспомнить старую легенду? – спросила Кёко. Она эту историю не любила. Жестокая богиня наказала Такэру, но не дала выбора Тоонинтэмах, навеки связав её жизнь с жизнью убийцы. Кёко это казалось несправедливым. А ещё Кёко злилась на Тоонинтэмах за то, что та смиренно приняла свою судьбу.

– Потому что дело не только в клятве, которую я принёс тебе, но и в том, что так было заведено от начала времён. Я следую за тобой так же, как Такэру следовал за Тоонинтэмах, как Инугами должны следовать за Ооками.

Кёко покачала головой и взяла Такая за руку. Сжала его тёплую ладонь в своей и заглянула в глаза.

– Я хочу, чтобы ты был свободен, – тихо сказала она, потому что ком в горле не позволял говорить громче. – Ты не заслужил такой жизни.

Такая мягко улыбнулся и сжал её руку в ответ.

– Я никогда не мечтал о свободе, Кёко. – Он коснулся ладонью её щеки, стерев сбежавшую слезу. – Мне она не нужна.

– Ты просто не знаешь другой жизни. – Она отстранилась.

– Десять лет я не служил тебе. – Такая выпустил её и вернул взгляд небу. – И нашёл утешение в служении другим. Ты мечтала о свободе, Кёко. А я шёл за тобой. Не потому, что

люблю тебя, не потому, что не знал другой жизни, а потому, что *выбрал* долг. И продолжаю выбирать.

Кёко поджала губы и тоже подняла глаза к звёздам, чтобы не дать второй раз за вечер пролиться слезам. Она не заслужила их. Ни Мико, ни Такаю, ни Райдэна – она никого из них не заслужила. Она делала им больно, она разрушила их мечты, была груба и жестока, так почему же они всё равно остаются на её стороне?

– Наши хвосты связаны. И я не дам тебе упасть так же, как ты не дала упасть мне.

– Спасибо, Такая, – сказала Кёко. – За всё.

Глава 8. Искра в ладони

Деревья в саду оплетали разноцветные ленты. Ветер подхватывал лёгкий шёлк, и они оживали, шелестя в тон листве. На поляне за ночь собрали помост, который украсили цветами и флагами с гербами пса и волка. Инугами собрались вокруг, заполнив собой всё свободное пространство, стучали барабаны тайко. Нагамасу был выше почти всех своих подданных и стоял в первых рядах, над ним слуга держал большой шёлковый зонт. В тени Нагамасу приютилась низенькая, очень красивая женщина – его жена. Она говорила с мужем, склонив голову и не поднимая глаз, прятала улыбку за веером и выглядела робкой и кроткой. Мико невольно хмыкнула – возьми Нагамасу в наложницы Кёко, быть может, сам бы от неё в итоге и сбежал, не выдержав взрывного характера.

– Чего смеешься? – спросил Райдэн, обводя взглядом нарядных гостей. Он, Мико и Ицуки, в отличие от окружающих, были одеты совсем не по-праздничному. И то ли поэтому, то ли из-за слухов Мико всё время ловили на себе любопытные взгляды. Мико их почти не замечала, а вот Райдэна они, кажется, здорово раздражали.

– Да так, – отмахнулась Мико и оглянулась в поисках Ханзо. Он тоже пришёл на церемонию, но скрывался в тенях, то появляясь, то исчезая из поля зрения. Кёко лично попросила его прийти, и Мико была рада, что он согласился. – Надеюсь, с Кёко всё будет в порядке.

– Вчера приходил Такая, – сказал Райдэн. – Они с Кёко всю ночь просидели на энгаве. Хочется верить, что это хороший знак. Для них обоих.

– Хочется верить, – отозвалась Мико.

Зрители заволновались, а барабаны вдруг стихли, все разом обернулись.

По каменной дорожке в сопровождении шести слуг шли Кёко и Такая. Она – в красном, расшитом золотыми цветами кимоно. Он – в чёрном с серебряным гербом дома Инугами на рукавах. Медленно, под взглядами по меньшей мере сотни ёкаев, Кёко и Такая поднялись на помост и встали друг напротив друга. Кёко взяла у слуги кагура-сузу, Такая, помедлив, взял ленты, что крепились к его рукояти.

Сердце Мико ёкнуло, и она бросила взгляд на Райдэна. Совсем недавно они точно так же стояли в шаге друг от друга, готовые обменяться душами и навеки связать свои судьбы. Но вместо них это сделали Кёко и Хидэо... Пока Мико и Райдэн боролись за земли Истока, они боролись друг за друга. И теперь Кёко будет танцевать снова, на сей раз уже ради них, и ради того, чтобы смерть Хидэо не была напрасной. Думала ли она, что потеряет его? Что сражение, которое обещало победу, завершится гибелью одного из них? Верила ли? Допускала ли мысль?

Ударили барабаны, и Кёко, не сомневаясь, сделала первый шаг навстречу Такае. Она потеряла любимого мужчину, а до этого едва не потеряла друга. Глиняные чашки золото собирает воедино, чтобы они продолжили свой путь, но что, если чашка обратилась в пыль?

Кёко повернулась вокруг своей оси, позволяя Такае опутать её лентами. Зазвенели бубенчики на кагура-сузу. На щеках Кёко блестели слёзы. Били барабаны, и так же громко и неистово

стучало сердце Мико. Смерть оказалась ближе, чем они думали, война страшнее, а мир хрупче. Кто знает, сколько жертв их ещё ждёт впереди и все ли дойдут до конца? Они взвалили на плечи тяжёлую, возможно, непосильную ношу, потому что не смогли остаться в стороне. Райдэн защищал свой дом, а Мико... Мико свой дом искала.

Кёко и Такая замерли, соединив руки, и с губ их сорвались две голубые искорки. Искорка Кёко была маленькой и тусклой, будто бы едва живой. Искра Такаи светилась ярко, ровно, подобно маленькому солнцу. Они вспыхнули, закружились и... соприкоснулись. Плечи Кёко поникли, по щеке Такаи сбежала слеза. Искорка Кёко вспыхнула ярче, а искра Такаи – потеряла частичку света. Замерцав, души сделали ещё один круг и вернулись к хозяевам.

Кёко пошатнулась, и Такая тут же подхватил её, не позволяя упасть. Толпа взорвалась овациями, барабаны завели новый ритм, и его тут же подхватили музыканты.

– Клань Ооками и Инугами вновь едины! – громогласный голос Нагамасу заставил сад смолкнуть. – Поприветствуйте нашу новую госпожу!

Он поклонился первым, а за ним и все остальные, не ропча и не сомневаясь ни мгновения. Клятва брала своё, нерушимый закон и прочная связь двух кланов обрела плоть. Кёко и Такая поклонились подданным в ответ. Кёко уже твёрдо стояла на ногах, но Такая всё ещё аккуратно поддерживал её под локоть.

Когда они выпрямились, земля задрожала от пустившихся в пляс Инугами, которые от всего сердца праздновали новый день их истории.

Мико провожала взглядом Кёко и Такаю, которые спустились с помоста и в сопровождении слуг удалялись в сторону дома. Время до заката принадлежало только им двоим, в тишине и без посторонних глаз они должны были узнавать друг друга, привыкая к слиянию душ, и только после заката вновь присоединиться ко всеобщему празднованию. Ни один из них не выглядел счастливым, но они всё равно крепко держались за руки, поддерживая друг друга от начала и до самого конца.

И в этот миг Мико поняла, кого она сама хочет держать за руку. До самого конца.

Мико повернулась к Райдэну и тут же встретилась с ним взглядом. Всё это время он не сводил с неё глаз.

– Помнишь, я сказала, что однажды хочу увидеть твою душу? – спросила Мико. Инугами вокруг плясали, толпились и толкались, но она их не замечала, видя перед собой только Райдэна.

Он кивнул, медленно, насторожённо, будто не зная, чего ждать.

– Так вот, Райдэн. Я поняла, что не хочу откладывать. Не знаю, сколько нам осталось, не знаю, выберемся ли мы живыми и что ждёт нас впереди, поэтому я не хочу ждать этого «однажды». Я хочу знать, что твоё сердце бьётся, даже если судьба разведёт нас на разные края мира, хочу забирать твою боль и знать, что ты рядом. Я хочу чувствовать тебя так же, как ты чувствуешь меня.

Райдэн выдохнул медленно, ухмыльнулся, привычно прищурившись, и протянул Мико руку.

– Что ж, беглянка, тогда я покажу тебе свою душу и всё, что ты осмелишься попросить. Пальцы его слегка дрожали.

* * *

Они сбежали в разгар праздника. Налетевший ветер распугал гостей, подхватил Мико с Райдэном и унёс прочь. Облака проглотили их, стерев мир до белой пелены, а потом Райдэн вырвался выше, к ослепительно синему небу.

– Куда мы? – Мико прижалась к Райдэну изо всех сил, пряча щеки от холодного воздуха.

– Есть одно место, которое я очень хотел тебе показать.

Ветер принёс их на укутанную туманом вершину горы. Райдэн аккуратно спустил Мико с рук у огромных каменных тории. От них уходила вверх изъеденная временем и поросшая мхом лестница, а вдалеке терялись в белом мареве очертания храма.

– Это... – Мико обернулась к Райдэну.

– Ты сказала, что для людей это важно, справлять... – он отвёл взгляд, – свадьбу в храме. У меня нет каннуси, и храм давно заброшен, но... Я нашёл это место ещё давно, когда летал тут везде, пытался освоиться с веером... И мне оно показалось очень красивым.

Мико поклонилась ториям и ступила на лестницу. Туман расступался, сиял, пропуская золото вечернего солнца. Оно висело над рогами храма, который украшали каменные драконы. Казалось, только их когтистые лапы удерживают светило в небе. Когда-то богатый, храм Сияющей Богини встречал гостей бурыми стенами с остатками красной росписи и покосившимися от времени створками, но даже это не умаляло его величия.

Райдэн открыл дверь, и Мико скинула обувь и с замиранием сердца переступила высокий порог.

Храм был пуст, тёмн и чист. Удивительно сладко пахло сосной, и стоило Мико сделать два шага вглубь, как загорелись мягким светом андоны и золотом засветился янтарь в глазах большого каменного дракона в центре зала. Казалось, время ничуть не потревожило храм внутри – даже цветы у лап дракона казались свежими, только что сорванными. Какая бы магия ни охраняла это место, за тысячу лет она, в отличие от людей, его так и не покинула.

Райдэн бесшумно подошёл сзади.

– Когда я нашёл это место, шёл дождь, пришлось провести в храме всю ночь. Моя одежда чудесным образом высохла, а у ног дракона появилась еда. Сначала я думал, что тут кто-то есть, облазил каждый угол и никого не нашёл. Шин сказал, что такие храмы раньше бывали и в землях людей, до того, как магия истончилась. Они служили ночлегом путникам и тем, кто лишился крыши над головой. Говорят, что им подарила частичку магии сама Сияющая Богиня. Так это было на самом деле или нет, никто уже не скажет наверняка, но места лучше я не знаю.

– Здесь замечательно. – Мико оглядывалась по сторонам, избегая смотреть на Райдэна. Её вдруг одолело смущение, сердце взволнованно билось. Теперь, когда желаемое оказалось так близко – только руку протяни, – она отчего-то испугалась. – Только вот как танцевать, если кагура-сузу...

Мико не договорила. У лап дракона, среди цветов, лежал новенький кагура-сузу. Она готова была поклясться, что мгновение назад его там не было. Там же появилась маленькая бутылочка sake и деревянная пиала. Мико испуганно взглянула на Райдэна, он ободряюще улыбнулся.

– Мне тоже страшно, – сказал он.

– По тебе незаметно, – проворчала Мико, краснея.

– У меня руки дрожат.

Только сейчас Мико заметила, что Райдэн стоял плотно скрестив руки на груди. Поза казалась уверенной, но, похоже, он просто-напросто пытался скрыть дрожь.

– Мы всегда можем остановиться и вернуться в Небесный город, – сказал Райдэн. Эти слова и мысль о том, что ему тоже страшно, придали Мико храбрости.

– Я хочу сначала помолиться. Ты со мной?

Райдэн кивнул. Они дважды поклонились дракону, дважды хлопнули в ладоши и замерли. Мико не знала, о чём Райдэн просил Сияющую Богиню и просил ли вообще. Мико молилась о счастье. Для себя и для Райдэна. Она никогда не просила богов о своём счастье, но всегда о нём мечтала. И теперь – собиралась бороться за него до последнего.

Мико поклонилась дракону, взяла кагура-сузу и повернулась к Райдэну. Коленки дрожали, сердце стучало в горле. Каково это будет? Коснуться его души своей? Мико шагнула ближе, Райдэн поклонился ей и взял в левую руку ленты кагура-сузу. Когда их взгляды встре-

тились, у Мико перехватило дыхание и она крепче сжала посох, будто это могло помочь ей удержаться на ногах.

– Мне начинать? – охрипшим голосом спросила она.

– Когда будешь готова, – голос Райдэна звучал не лучше. Он держал ленты, а Мико казалось, что её сама, и это помогло сделать первый шаг.

В тишине храма стук сердца казался оглушительным, громче бубенцов кагура-сузу, громче барабанов тайко, громче мыслей в голове. Сердце стало её ритмом, взгляд Райдэна – проводником. Шаг. Поворот. Шаг. Ещё поворот, и ленты спеленали её тело, подобно сетям, но Мико не хотелось вырваться, они согревали, подобно солнечным нитям, не удерживали, а поддерживали, не связывали, но вели к тому, кто тянулся к ней так же, как и она тянулась к нему. Зазвенели бубенцы, Мико развернулась, и ленты послушно ослабли, подчиняясь её воле, а сама Мико оказалась лицом к лицу с Райдэном, который, затаив дыхание, смотрел на неё во все глаза. Она подняла ладонь, Райдэн прикоснулся к ней кончиками пальцев, и Мико будто ударило молнией, в груди стало горячо и тесно, тело наполнилось тяжестью, и Мико тихонько застонала, чувствуя, как душа стремится покинуть тело. Она выдохнула, позволяя искорке выбраться наружу. Пальцы Райдэна сжали её ладонь, и голубая, до боли яркая искра сорвалась с его губ.

Мико ожидала, что они примутся кружиться, как души Такаи и Кёко, но искры притянулись друг к другу так стремительно, будто не существовало для них другого пути. А потом Мико *почувствовала* Райдэна.

Он был соткан из любви, страсти и всепоглощающей нежности. Дышал ими, отдавая Мико всё до последней капли из бесконечного моря, которое хранил в себе. По пятам за ними следовала печаль, старая, тягучая и болезненная, но на время притихшая, уступившая место жаркому, яркому, подобно солнцу, счастью. Мико наконец поняла, что значит любовь ёкая, и человеческая душа её вспыхнула, отвечая той маленькой любовью, которую могла вместить в себя.

Искорки неохотно отделились друг от друга и вернулись на свои места, жаром поселившись в груди. Ноги подкосились, и Мико осела на пол, дрожа всем телом. Кагура-сузу со звоном упал и откатился в сторону. Райдэн, поддерживающий Мико под руки, опустился рядом. Он тоже тяжело и часто дышал.

Мико чувствовала его ладони на своих предплечьях, но ей казалось, что держит он по меньшей мере её сердце, а она сжимала в ладонях сердце Райдэна – большое, горячее, живое. Райдэн, его взгляд, его касания, его дыхание – всё ощущалось иначе, будто часть его стала Мико, а часть Мико стала его частью. Они не стали одним целым, нет, но между их сердцами словно натянулась невидимая золотая нить, такая же живая и тёплая. Это сводило с ума и восхищало одновременно.

Когда Мико подняла на Райдэна взгляд, всё её тело тут же заныло от необходимости оказаться к нему так близко, как только возможно, чтобы души их снова слились, сплелись и больше никогда не разъединились.

– Это пройдёт, – тихо сказал Райдэн, угадывая её чувства. – Я до безумия хочу того же, но это пройдёт, не бойся.

– Я не боюсь, – соврала Мико, и Райдэн рассмеялся. – Ладно, я боюсь, но... мне очень хорошо... Я... мне нравится чувствовать тебя. Ты... всё это время ты меня так чувствовал?

– Не так ярко. Это были отголоски, едва уловимый шёпот, теперь... теперь я будто чувствую тебя всем телом и очень, очень громко...

Мико положила ладони ему на грудь, как много раз делала до этого, но теперь в ответ она чувствовала не только тепло его кожи, но и то, что скрывалось под ней. Любовь, восхищение, страсть, желание... Он думал о том, каково целовать её, хотел коснуться её обнаженной

кожи, представлял, как развязывает пояс на её хакама, и стыдливо гнал эти мысли прочь, боясь испугать её и оттолкнуть.

Но Мико не боялась. Она хотела того же.

Ноги всё ещё дрожали, но Мико заставила себя приподняться, чтобы дотянуться до его шеи и притянуть Райдэна к себе. Его руки сомкнулись на её талии, и в следующий миг Райдэн уже целовал её так, как не целовал никогда прежде. Глубоко, страстно, жадно. Мико отвечала так же неистово, от их перемешавшихся чувств кружилась голова.

Мико стянула с Райдэна хаори, а он потянул за узел пояса на её хакама. Она дрожащими руками помогла ему раздеться, а потом раздеть себя, и Райдэн замер, глядя на неё.

– Ты уже видел меня голой. – Мико стало неловко под его пристальным взглядом, и она прикрыла грудь рукой. Сама она позволяла себе смотреть только на отметины от когтей Нобу на груди Райдэна. – Ничего особенного.

Райдэн подхватил прядь её волос и поцеловал.

– Ты самая красивая женщина на всём белом свете. И я не позволю тебе в этом сомневаться.

Он повалил Мико на ворох одежд и впился в губы поцелуем. Ладонь легла на грудь и заскользила ниже, оставляя за собой дорожку мурашек. Мико вздрогнула, когда он раскрыл её бёдра, и со стоном подалась навстречу, помогая его пальцам ласкать себя. Райдэн целовал её шею, плечи, грудь, а Мико всё больше теряла связь с реальностью, захваченная их – сейчас общими – чувствами. Сердце тяжело билось, норовя выпрыгнуть из груди, её человеческое тело не было готово к такому, исступление лишало разума, прикосновения Райдэна казались лучшим, что она испытывала в своей жизни, а его взгляд заставлял желать большего. Тело ныло от напряжения, жаждало получить желаемое.

– Ты готова? – слова им были не нужны, но Райдэн всё равно спросил.

– Да, – выдохнула Мико.

Райдэн тихо зарычал, обхватил её за бёдра и властно перевернул на живот. Тело Мико обдало холодной волной страха. Она в один миг подобралась, отпрянула, развернулась и выставила перед собой руку. Райдэн наткнулся грудью на её ладонь и замер, не понимая, что происходит.

– Я... напугал тебя?

– Нет... то есть да. – Мико старалась собраться с мыслями. – Я... я не хочу так. Не хочу отворачиваться, не хочу, чтобы ты меня кусал. Я знаю, что все ёкаи так делают, но...

– Хорошо, – просто согласился Райдэн, перехватил её руку и поцеловал в раскрытую ладонь. – Я не буду. Я не хочу, чтобы ты меня боялась.

Мико с облегчением выдохнула, не ожидая, что Райдэн согласится так легко.

– Если хочешь, можешь сама контролировать происходящее. – Он улыбнулся.

– Это как?

Райдэн сел, скрестив ноги, и потянулся к Мико.

– Иди ко мне.

Мико взяла его за руки и взобралась ему на колени. Райдэн положил её ладони себе на плечи, погладил по спине, взял за бёдра и осторожно приподнял.

– Я не причиню тебе вреда, – серьёзно сказал он, глядя ей в глаза. – Но ты в любой момент можешь всё прекратить.

Мико смущённо кивнула и обняла его за шею.

– Хорошо.

Райдэн улыбнулся, ласково поцеловал её в губы, и его руки аккуратно направили её, помогая сесть. Мико сдавленно выдохнула и прижалась к нему всем телом, чувствуя, как возвращается возбуждение, вытесняя страх и воспоминания о прошлой боли. В этот раз боли не было. Мико двигалась медленно, поддерживаемая руками Райдэна, и постепенно обретала

уверенность. Его чувства снова проникли в неё, неся с собой удовольствие, нежность и наслаждение. Мико застонала, ускоряясь, и Райдэн, застонав в ответ, подхватил её движение. Не сдержавшись, Мико закричала, вцепилась ему в волосы и притянула его лицо к своей шее, Райдэн послушно поцеловал её, а когда Мико выгнулась, поймал губами её сосок.

Мико не могла себе представить, что близость может приносить столько удовольствия. Было ли дело в Райдэне, в их связи, в его словах или в чём-то ещё – она не знала, да и едва ли могла думать об этом, полностью захваченная ощущениями, одновременно понятными и совершенно новыми и незнакомыми.

Между Мико и Райдэном больше не осталось преград, лжи и недомолвок, они оба были оголённые до предела, бесконечно уязвимые и бесконечно сильные в этой открытости. Они были одновременно туго связаны и бесконечно свободны, и Мико пила эту свободу и до боли натягивала невидимую нить между ними, чтобы ещё сильнее, ещё глубже чувствовать Райдэна, и щедро делилась своими чувствами в ответ.

Райдэн с силой схватил Мико за бёдра, плотнее прижимая к себе, коротко застонал и, несколько раз содрогнувшись всем телом, уронил голову ей на грудь. Его эмоции хлестнули Мико наотмашь, она невольно вскрикнула и тоже задрожала, впиваясь ногтями в его спину. Ноги тут же стали ватными, и Мико обмякла, больше не в силах пошевелиться. Райдэн снял её с себя, уложил на одежду и укрыл своим хаори.

– Ты как? – спросил он, ложась рядом.

– Устала... – Больше всего на свете Мико хотелось спать.

Райдэн рассмеялся и подтянул её себе под бок. От его дурманящего запаха и горячего тела спать захотелось ещё больше.

– Тогда отдыхай. – Он поцеловал её в макушку.

Мико в ответ пробормотала что-то невнятное. Кажется, что-то о том, что надо вернуться в Небесный город, пока их не потеряли.

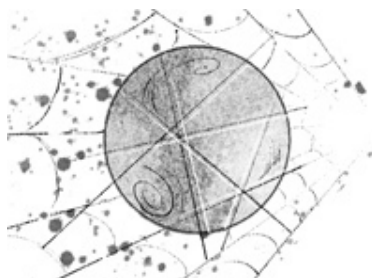
– Мы никуда не торопимся. – Райдэн на удивление её понял. – Уж точно не в день нашей свадьбы.

– Твоя душа, – прошептала Мико, собирая последние силы, – очень красивая.

Райдэн обнял её крепче.

– Всё потому, что на неё смотришь ты.

Глава 9. Нити Истока

Шин сидел на энгаве в саду, привалившись к деревянному столбу, и любовался цветущей магнолией. Сухие, морщинистые руки лежали на коленях, в скрюченных пальцах был зажат измятый лист с заклинанием.

– А-а, ты всё же пришла, – прошелестел он, а Мико вздрогнула, не понимая, к кому он обращается. Шин разжал пальцы, ветер вырвал заклинание из его рук, кандзи вспыхнули золотом, и в следующий миг босые ноги Мико защекотала влажная трава, а лица коснулась ночная прохлада. Лист с заклинанием оказался у Мико на лбу.

– Но как же... – Она осторожно ощупала шершавую бумагу, осмотрела себя. Белое кимоно укрывало тело невесомой пеленой, и сама она чувствовала себя лёгкой и воздушной, как морская пена.

– Так будет проще разговаривать, – улыбнулся Шин и похлопал ладонью по энгаве, приглашая Мико присесть.

– Как ты перенёс меня сюда? – Мико оглянулась на сад, будто бы там, среди цветущих деревьев, скрывался ответ. – Вдруг Акира...

– О, нет-нет, не бойся. Твоего тела здесь нет. Только частичка твоей души, которая перебралась по нитям, раскинутым Духом Истока. Я лишь придал ей привычную форму. Если Акире вздумается этой ночью выйти в сад, он тебя увидит, но ничего не сможет сделать.

Чтобы подтвердить свои слова, Шин протянул руку. Мико, угадав, о чём её просят, коснулась его пальцев... Но ничего не вышло – рука Шина просто-напросто прошла сквозь её ладонь. Лёгкая щекотка пробежалась от кончиков пальцев до самого уха, заставив Мико отдернуть руку и поёжиться.

– По нитям Духа? Что это значит? Ты знал, что я приду? Я стала призраком? Как... как ты себя чувствуешь?..

Шин рассмеялся.

– Столько вопросов, Мико. Сядь, до рассвета ещё далеко, торопиться некуда.

Мико послушно села, удивилась тому, что ей это удалось и она не провалилась куда-нибудь под землю, но потом заметила, что «тело» её не село на энгаву, а зависло над ней, не касаясь.

– Дух Истока связан со всеми жителями острова, – сказал Шин. – С каждым, кто ступил на его берега и задержался на достаточный срок. Помнишь, как душа Сэнго пришла к тебе во сне и ранила? – Мико, помедлив, кивнула. – Между вами тогда протянулась нить чувств, между убийцей и жертвой. Между Духом Истока и всеми нами тоже есть такие нити, нити его любви. И ты, коснувшись Духа и разделив его печаль и боль, каким-то образом связала себя с островом. Хотел бы я объяснить лучше, но, боюсь, до тебя никто не касался Духа, по крайней мере мне такого неизвестно.

Из-за того, что я однажды исцелил тебя, моя магия тоже образовала между нами нечто вроде нити, поэтому я чувствовал, когда твоя душа приходила меня навестить. Сообразил не сразу, но вот решил проверить и не прогадал.

– Прости, я не хотела подглядывать...

– Подозреваю, что выбора у тебя не было, – вздохнул Шин. – Во сне бразды разума слабеют, душа сплетается с нитями Истока и мчится по волнам чужих жизней...

– Как поэтично. – Мико взглянула на звёздное небо.

– Я пишу стихи, ты знала? – Губы Шина тронула лёгкая улыбка, глаза наполнило прежнее тепло, и Мико на мгновение показалось, что она снова увидела его красивое молодое лицо. – Когда монах в одиночестве живёт в храме на вершине горы, порой больше нечем заняться. Но мне это дело, признаться, пришлось по душе. Хочешь послушать?

Мико кивнула, подтянула колени к подбородку и положила на них голову.

Шин прочистил горло и завёл низким мелодичным голосом:

Дева танцует.
Вдали от любимой спит светлячок
Уже тысячу лет.

– И другое...

Горы замолкли.
Грустную песню поёт
Последний монах.

– А ещё вот это. Моё любимое...

Белые крылья
Ветер осенний несут,
Но руки теплы.

Шин замолчал, прикрыл глаза и выдохнул, будто его окутало старое, почти растворившееся во времени воспоминание.

– Очень красиво, – прошептала Мико.

– Его я написал после первой встречи с Акирой. Тогда всё было иначе... И мы были другими. Игру на флейте и стихи я всегда любил больше служения Сияющей Богине, а оттого и покинул её так легко, стоило Акире позвать меня за собой. Я снял янтарные бусы, чтобы белые журавлиные крылья укутали меня и унесли в земли Истока. Чтобы живые руки согревали моё сердце вместо молитв, на которые моя богиня никогда не отвечала. Я был глупцом и расплачиваюсь за свою глупость уже три сотни лет. Но выпади мне шанс всё изменить, я бы снова взял ту нежную руку и покинул храм, не оглядываясь.

– Ты был в храме совсем один?

Шин кивнул.

– Я был не самым прилежным учеником, а после – не самым радивым служителем храма Сияющей Богини в Гинмоне. Поэтому главный каннуси посчитал, что одиночество вдалеке от столицы поможет мне сосредоточиться на молитвах и предназначении монаха. В моём храме не было ни мико, ни каннуси... На многие риды вокруг только я и гора Митакэ, покрытая мхами и туманами. Это место напоминало мне о родной деревне. С ней я попрощался, когда мне исполнилось шесть, – каннуси нашего храма заметил во мне зачатки магии и, как и полагалось,

забрал из семьи и отвёз в столицу. Семье монахов я тоже не подошёл – слишком был самонадеянный, своевольный, неусидчивый, вечно вытворял пакости и отлынивал от учёбы.

– По тебе и не скажешь, – тихо засмеялась Мико.

Шин пожал плечами и улыбнулся.

– Время научило меня смирению и спокойствию гораздо лучше монахов.

Ненадолго они замолчали, наблюдая за перемигивающимися звёздами.

– Что было дальше? – наконец спросила Мико.

– С Акирой я обрёл семью в третий раз. – Шин вздохнул. – Мы были двумя половинками разных чашек. Но наши сколы удивительно хорошо подходили друг другу. Обоим нам не хватало семьи. Однажды Акира попросил меня с помощью заклинания забрать его чувства – все до единого, чтобы избавиться от боли, от бессильной любви к умершим. Но я отговорил его, ведь тогда он бы и меня перестал любить. Я думал, что сумею залечить эту рану в душе Акиры, но... как я уже говорил, я был слишком самонадеян и глуп. Со смертью родни в груди Акиры образовалась сосущая пустота, подобная бесконечной Бездне, которая со временем только росла. Её ничего не смогло бы заполнить. В какой-то момент он стал винить меня в том, что я даю ему недостаточно, слишком много времени уделяю Райдэну и друзьям, больше не откликаюсь на его доброту, слишком часто хочу бывать в одиночестве. Но я не мог дать ему больше, я и так весь был только его.

У Мико по спине пробежали мурашки – или ей это только показалось? Ведь тела у неё никакого не было. А может, это отголосок чувств Шина? Раз уж с ним, как оказалось, её тоже связывала невидимая нить.

– Мы вытащим тебя отсюда, я обещаю. – Мико накрыла своей рукой его ладонь, не чувствуя касания – только лёгкое сопротивление воздуха. – Заберём тебя от него.

– Не нужно. – Шин улыбнулся. – Акира не причинит мне вреда. Не теперь. Да и мне недолго осталось. – Он продемонстрировал дрожащую сморщенную ладонь. – Можешь осуждать, но я рад, что он будет рядом.

– Шин, мы тоже семья. Знаю, мы с тобой знакомы совсем недолго, но Райдэн, Кёко...

– Я нежно люблю Райдэна, Кёко, Макото и тебя, Мико. Я очень скучаю и очень хочу увидеть всех вас снова. Но вы есть друг у друга, а у Акиры больше никого нет.

Мико хмуро смотрела на него, надеясь отыскать слова, чтобы переубедить, но лицо Шина было таким безмятежным и светлым, что она сдалась.

– Хорошо, если ты так хочешь, хоть я и не могу этого понять.

– Разве любовь можно понять? Ты ведь тоже его любила, даже после всего...

Мико вздрогнула и отвернулась, задетая за живое. Снова воцарилось молчание.

– Любовь не всегда мудра и избирательна. Порой она глупа, жестока, даже смертельно опасна. Но я уже одной ногой в могиле, так что и бояться мне больше нечего.

– Ты для этого со мной связался? Сказать, что хочешь остаться с ним?

– Отчасти, – Шин кивнул. – А ещё сказать, что попытаюсь убедить его вам помочь. Побуду ещё немного самонадеянным глупцом. И предупредить тебя об опасности.

Мико обернулась.

– Об опасности?

Лицо Шина помрачнело.

– Я чувствую, что твоя энергия слабеет, Мико. Связь с Духом слишком сильна для хрупкого человеческого тела, она лишает тебя сил. Я не знаю, как разорвать эту связь и возможно ли это вообще...

– Хочешь сказать, я умираю? – Мико смотрела на Шина с недоверием. Нет, он не прав. Он не может быть прав.

– Я думаю, что если твоя душа перестанет ходить по нитям, то это поможет, – уклончиво ответил Шин. – Я много думал и пришёл к заключению, что плоды гинкго...

– Ицуки сказал мне пить отвар из них перед сном...

Шин просиял и хлопнул в ладоши.

– Ицуки! Какой же умница! Пей, пей, Мико. Если ты перестанешь ходить по нитям, связь с Духом не будет тянуть из тебя жизненные силы.

– А если продолжу? Как скоро я умру? – слова сами срывались с языка, Мико даже до конца не осознавала их смысл.

Шин печально покачал головой.

– Не знаю. Может быть, через год, двадцать лет, сорок... Никто прежде не сталкивался с таким...

– То есть я могу и не умереть? Ты можешь ошибаться?

– Я очень хочу ошибаться, Мико.

Мико кивнула и крепче обхватила колени, чтобы удержать себя на месте. Сердце взволнованно стучало в груди, а Мико отчего-то разозлилась на Шина. Сегодня. Почему он рассказал ей об этом именно сегодня? В ночь её свадьбы. Не мог подождать хотя бы пару дней? Нет, нужно было всё испортить!

– Значит, я просто буду есть гинкго, и всё будет хорошо, – пробурчала Мико, глядя в глубь тёмного сада.

– Надеюсь, что так.

Позади послышались шаги, Мико обернулась на звук, но Шин уже сдёрнул с её лба талисман.

– Береги себя, Мико, – прошептал он, и всё исчезло.

Но путешествие не завершилось. Мико понесло на запад, к осаждённому замку Кацуми. Она вытеснила людей за стену и вновь оградилась защитным куполом, но войска никуда не ушли – ждали удачного момента для атаки.

Кацуми стояла на крыше замка в окружении доброй сотни лис. Кожу её украшали замысловатые узоры, нанесённые красной краской. Она, закрыв глаза, читала мелодичное заклинание. Лисы покачивались в такт её словам. На их шерсти Мико разглядела такие же знаки.

– Никто и никогда не захватит наш дом. – Кацуми распахнула глаза и вскинула руки. Лисы залаяли. – Явись, мёбу Ису, хранительница рода, отринувшая Кормящую Мать, и уничтожь наших врагов!

Сверкнула молния, поднялся ветер, и тучи над головой Кацуми начали сворачиваться в спираль. Лисы заскулили и рухнули замертво. От каждого тельца отделился яркий синий огонёк и устремился к Кацуми. Маленькие огоньки сливались в огни большие. Кацуми распушила все девять хвостов и над каждым из них зависло по одному огненному шару.

И снова молнии. Они ударили в защитный купол, и он раскололся с яркой вспышкой, раскрошился, закружился подхваченными ветром искрами и стал обретать новую форму.

Люди испуганно глядели в небо, где собирался невероятных размеров призрак человекоподобной лисы. Она распрямилась, став почти вдвое больше замка, за которым стояла. Девять призрачных хвостов обрушились на землю, превратив в пыль тех, кто не успел убежать. Кацуми взревела. Взревела лисица. И в следующий миг из пасти её вырвалось синее лисье пламя. Оно врезалось в землю, вспороло её, обращая в пепел человеческую армию и ближайший лес.

Кацуми кричала от боли, Мико кричала вместе с ней. От боли кицунэ и от боли тех, кто умирал в пламени великой мёбу Ису.

Мико казалось, что она сходит с ума. На бесконечное мгновение весь мир обратился в жаркое синее пламя, которое не щадило никого, сметало всё на своём пути и, кажется, обращало в прах даже души. Земля чернела, и вскоре не осталось ничего живого на подступах к замку.

Когда пламя иссякло, Мико снова смогла дышать, хотя ужас всё ещё сковывал лёгкие.

Мёбу Ису вскинула морду к небу и рассыпалась звёздами.

Кацуми упала на колени. Она дрожала, а знаки на её теле превратились в кровавые раны. Девять хвостов вспыхнули голубым пламенем и превратились в пепел – Кацуми лишилась последних сил.

– Врагов Истока ждёт смерть! – прорычала Кацуми, попыталась встать, но застонала и упала без чувств.

Нить оборвалась, и Мико потянуло обратно, к собственному телу на полу заброшенного храма.

– Мико! Мико! – Райдэн тряс её за плечи. – Проснись! Всё хорошо, ты в безопасности, пожалуйста, проснись!

Мико распахнула глаза и села. Райдэн облегчённо выдохнул и заключил её в объятия.

– Я опять кричала? – Мико вцепилась в его кимоно, она дрожала то ли от холода, то ли от страха. Райдэн кивнул и тут же набросил ей на мокрые от пота плечи хаори. – Прости.

– Тебе не за что извиняться. – Он поцеловал её в макушку. И Мико почувствовала, как по их связи до неё дотянулась его нежность. Она ласково погладила Мико по душе, и стало тут же спокойнее, сердце замедлилось. – Я принесу тебе воды.

Райдэн встал, взял у ног дракона пиалу для саке и вышел из храма. Мико обессиленно закрыла глаза. Мысли путались, и картины сна казались далёкими и нечёткими, но всё ещё полными ужаса. Всё хорошо. Это закончилось. Теперь она в безопасности.

На колено капнуло что-то тёплое. Мико открыла глаза. На колено капнула ещё одна капля крови. Мико коснулась носа, и пальцы окрасились красным.

– Демоны Бездны! – Она нащупала в ворохе одежды тэнугуи и принялась вытирать кровь. В голове тут же всплыли слова Шина, но Мико отогнала мысли прочь быстрее, чем позволила себе осознать их смысл.

Вернулся Райдэн с пиалой, полной воды. Мико быстро сунула испачканную тэнугуи обратно в складки кимоно.

– Как ты? Уже лучше? – спросил Райдэн.

– Да, всё отлично! Спасибо! – соврала Мико и взяла протянутую пиалу.

Рука Райдэна дрогнула, но он ничего не сказал. А Мико уколол под рёбра его страх, и она поспешила улыбнуться.

– Нужно просто не забывать пить отвар из гинкго, и тогда всё будет хорошо, – сказала она и искренне верила, что говорит чистую правду.

Страх Райдэна сменился облегчением. Он сел рядом и нежно поцеловал Мико.

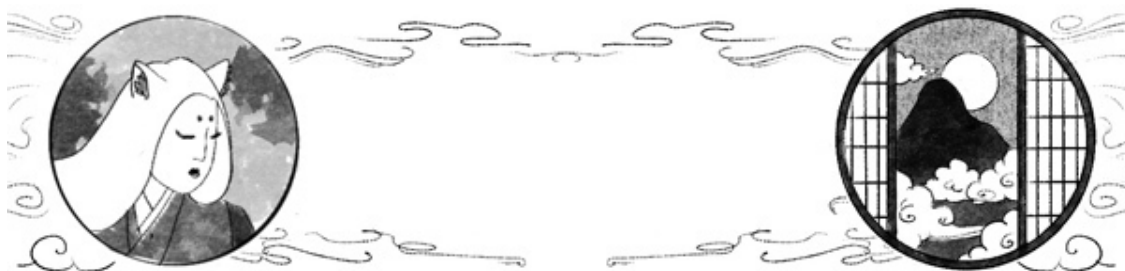
– Я люблю тебя.

Мико вздрогнула, отвела взгляд и поспешила спрятаться в пиале. Уши вспыхнули, а сердце забилось с удвоенной силой. Когда молчание затянулось, Райдэн поднялся на ноги, потянулся, как ленивый кот, и подмигнул Мико.

– Думаю, Кёко и остальные нас уже заждались. Пора возвращаться.

Мико в ответ только смущённо кивнула.

Глава 10. Новый очаг

Замок в Небесном городе изменился до неузнаваемости. Новенькие аккуратные дорожки петляли по ухоженному саду, который буйно цвёл и шумел маленькими рукотворными водопадами. На крышах сверкала новенькая черепица, главный вход охраняли каменные статуи волков с серебряными шарами в клыкастых пастьях. Внутри замка всё сияло чистотой и пахло свежим деревом – блестели новенькие дощатые полы, пестрели картинами двери.

Мимо пронеслась шестёрка красноволосых акасягума, расплёскивая воду из вёдер. Ещё один домовый дух бежал следом, вытирая тряпкой потерянные капли.

– Мы что-то пропустили? – удивлённо протянула Мико, как вдруг из далёкой комнаты с очагом донёсся вопль.

Мико с Райдэном переглянулись и бросились на звук.

– Пусти! – кричала Юри, вцепившись в чайник, который тянул на себя мальчик-акасягума. – Это для Юри! Юри! Замок Юри! Уходите!

– Я... должен... помыть чайник! – прокряхтел мальчик и потянул усерднее. Другие акасягума, которые чистили очаг, бросили дела, наблюдая за зрелищем.

– Не-е-ет! Юри сама будет мыть чайник! И полы! Вы тут не нужны!

К ним подбежали ещё двое акасягума, обхватили чайник и общими усилиями вырвали его из ручек Юри. Огромные глаза наполнились слезами, и она, сжав кулачки, оглушительно визжала. Акасягума вырвали чайник и, зажимая уши, бросились врассыпную, а Мико – к Юри. Чайник грохнулся на пол, крышка укатилась в дальний угол.

– Тише, тише, – Мико протянула руки, чтобы заключить Юри в объятия. Та, заметив свою госпожу, перестала визжать и зарыдала.

– Зачем госпожа Кёко их привела-а-а! Пусть они все уйду-у-ут! Прогоните их! Прогоните!

Юри упала на пол, подтянула к себе чайник и, продолжая громко рыдать, стала ползать по полу в поисках крышки. Крышка не находилась, это расстраивало Юри ещё сильнее, и рыдания становились ещё громче и безутешнее. Как Мико и Райдэн ни пытались, успокоить её не получалось. Уговоры и попытки обнять не помогали – Юри ни на что не обращала внимания, продолжая плакать, ползать и искать злополучную крышку. Мико даже начало казаться, что несчастная акасягума сошла с ума.

Тени в комнате заволновались, от угла отделилось прозрачное тёмное щупальце и скользнуло под комод, чтобы в следующее мгновение вытянуть за ногу визжащего от ужаса мальчишку-акасягума. Щупальце подняло его в воздух, крепко обхватив за лодыжку, и мальчишка повис головой вниз, встряхнуло хорошенько, и из-за пазухи у него со звоном выпала крышка от чайника. Щупальце рассеялось, и мальчик, кошкой приземлившись на пол, тут же дал дёру в открытое окно. Юри сгребла крышку, дрожащими руками приладила её к чайнику и наконец притихла.

Мико и Райдэн облегченно вздохнули и сели на пол. Только теперь Мико заметила спину Ханзо, который, должно быть, провёл всё это время на энгаве, прежде скрытый от взгляда ширмой сёдзи. Так вот чья тень здесь хозяйничала.

Раскрасневшаяся Юри всхлипывала, вытирая сопли о плечо. На чайнике обнаружилась большая трещина, и Юри ковыряла её ногтем, кажется, готовая снова разрыдаться.

– Юри разбила чайник... – пробормотала она и вскинула на Мико полные слёз жёлтые глаза. – Теперь госпожа избавится от Юри?

– Нет, конечно нет. – Мико сгребла её в охапку и прижала к себе. – Я ни за что не избавлюсь от тебя, разбей хоть тысячу чайников.

Юри заскулила.

– Это неправда! Госпожа Кёко привела сотню акасягума, чтобы избавиться от Юри! – голос её задрожал.

– Всё совсем не так. – Райдэн подобрался ближе, Юри на него недоверчиво покосилась и крепче прижалась к Мико. – Просто Кёко вчера вступила в права главы клана Ооками, вернула себе власть, и магия замка пробудилась. Акасягума появились, чтобы помочь тебе, а не прогонять.

– Юри не нужна помощь, – пробормотала Юри и спрятала лицо у Мико на груди.

– Но помощь нужна Кёко, а мы у неё в гостях. – Мико старалась говорить как можно мягче. – Пока у нас нет своего дома...

– А когда у нас появится свой дом? – Юри вскинула на Мико полный надежды взгляд.

– Он есть. – Райдэн потрепал её по макушке. – Мы его обязательно восстановим и будем жить там все вместе.

Мико посмотрела на Райдэна, а он ответил ей тёплой улыбкой. Она никогда не думала о том, что будет после, когда они разберутся с войной и покончат с Хранителями. Они... будут жить как семья? Превратят пепелище в новый дом? Мико, Райдэн и Юри. И... может быть, кто-то ещё?

Сердце забилось быстро и горячо, разгоняя по телу смущённую радость, согревая Мико от макушки до кончиков пальцев. Но едва Мико позволила живой волне прокатиться по телу, как пришла другая мысль – холодная и тёмная. Слова Шина полоснули по живому, льдом сковали позвоночник и иглами вонзились в желудок. Мико тут же укрыла сознание туманом, чтобы не позволить Райдэну почувствовать свой страх. Не сейчас, не тогда, когда у них впереди битвы. Тем более что Шин и сам не знал, что говорил. Ни к чему переживать о том, что может никогда не случиться.

Дверь скользнула в сторону, и в комнату вошёл Ицуки, поддерживая под руку Макото, который кричал и морщился, но всё же переставлял ноги. На повязке, закрывающей глаз, проступала кровь.

– Надоело сидеть взаперти, – ответил он на удивлённые взгляды Мико и Райдэна и ухмыльнулся. – Или завтракать с предателем ниже вашего достоинства?

– Прекращай нести чепуху и садись, – цыкнул Райдэн.

Мико подобралась ближе к очагу, Ицуки помог Макото сесть на подушки. К завтраку спустились Кёко и Такая. Они держались рядом, но избегали смотреть друг на друга. На голове Кёко беспокойно двигались большие волчьи уши. Белые, с чёрными, острыми кончиками.

– Это... – начала было Мико, а Кёко покраснела и прижала уши к волосам.

– Их теперь нельзя спрятать, и хвоста два, – смущённо пробурчала она. – Дурацкие отличительные признаки главы рода.

– А хвосты сейчас тоже есть?.. – Мико наклонилась, чтобы заглянуть ей за спину.

Кёко прыснула:

– Нет, конечно! Они появляются только в зверином облике.

– У Такаи тоже что-нибудь интересное отросло? – подмигнул Райдэн.

– Что и где отрастает у моего мужа, не твоё дело. – Кёко вздёрнула верхнюю губу, показывая зубы, а Мико показалось, что и клыки стали заметно больше прежнего.

В комнату вбежали акасыгума с подносами, полными еды.

– А если ты станешь главой клана, у тебя тоже что-нибудь отрастёт? – взяв чашку со своего столика, спросила Мико у Райдэна.

– Ага, нос! – хихикнула Кёко, а Райдэн хитро покосился на Мико и проворковал:

– Неужели тебя вчера что-то не устроило?

Мико подавилась чаем, выронила кружку, попыталась поймать, разбрызгивая маття вокруг, благо тот не был достаточно горячим, чтобы обжечься. Пальцы сомкнулись на шершавой глине, наконец совладав с чашкой, лицо пылало, кажется, покраснев до самых ушей. Райдэн ослепительно улыбался. – Сияющая Богиня, да ему нравилось смотреть на Мико сейчас! Раскрасневшуюся, полыхающую от смущения и злости, застигнутую врасплох. Мико физически ощущала его радость, возбуждение, видела воспоминания, которые Райдэн прокручивал в голове. Момент единения их душ и всё, что было после: Мико заново услышала собственные стоны и тяжёлое дыхание Райдэна и покраснела ещё гуще.

– Чем забита твоя репа, тэнгу? – Кёко ткнула его локтем в бок. – У Мико сейчас сердце остановится от ужаса.

Райдэн отвёл взгляд, и воспоминание исчезло, как и все его чувства, захлестнувшие Мико с головой.

– Извини, – шепнул он и поставил на столик перед ней свою, ещё нетронутую чашку с чаем.

– Может быть, поговорим о делах? – вежливо откашлялся Макото. – У нас есть план действий?

– У нас — есть, – тут же помрачнела Кёко и смерила его неприязненным взглядом. – И тебя он не касается.

– Кёко. – Такая положил руку ей на плечо, и волчье ухо на макушке недовольно дёрнулось, но руку Кёко с себя не сбросила – наоборот, взгляд смягчился, лицо слегка расслабилось, будто спокойствие Такаи распространилось и на неё.

– Я виноват, ясно? Я это и сам знаю. И не жду, что вы меня простите. – Макото обхватил ладонями колени и склонил голову. – Но я хочу помочь. – Он вскинул на Кёко хмурый, полный сожаления взгляд, а затем перевёл его на Райдэна. – Правда.

– Я иду в Обитель Звёзд – горы на северо-западе острова, – сказал Райдэн. – Ицуки проведёт меня к клану тэнгу, который обитает там. Кёко останется тут – готовить к битве Инугами.

– Надо вытащить Шина у этого пернатого, – встряла Кёко. – И уже потом куда-то двигать.

– Шин не хочет уходить от Акиры, – покачала головой Мико, и удивлённые взгляды обратились к ней. Пришлось рассказать о том, что видела во сне, о разговоре с Шином и пожаре, который устроила Кацуми. Умолчала Мико только о том, что Шин говорил о её собственной судьбе.

– Значит, Кацуми призвала Лису-Отступницу, – протянул Райдэн. – Надеюсь, эта громадина напугает императора достаточно, чтобы он отвёл войска хотя бы на время.

– Император не испуган, он зол, – послышался с энгавы низкий голос Ханзо.

Все ждали продолжения, но он молчал, будто бы уже сказал всё, что хотел. Не выдержав, Мико его позвала:

– Ханзо, пожалуйста, зайди к нам и расскажи, что знаешь.

Юри подскочила к сёдзи, распахнула их и потянула Ханзо за рукав. Тот нехотя подчинился, зашёл в комнату и сел на свободную подушку.

– И ради всех богов, сними уже эту жуткую маску! – проворчала Кёко, но Ханзо остался неподвижен.

– Что ты знаешь? – повторила вопрос Мико.

– Когда я встречался с другими Шинокаге, чтобы провести их к Кацуми, они сказали, что... принцесса Сацуки пропала. – Ханзо сжал кулаки. – Её Шинокаге мёртва. Император уверен, что принцессу похитили ёкаи.

– Ёкаи напали на императорский дворец? – На лице Кёко отразилось искреннее беспокойство: к Сацуки – младшей сестре Хидэо – она питала тёплые чувства.

– Насколько мне известно, нет. Но император уверен, что это их рук дело.

– Но зачем кому-то похищать принцессу? – спросила Мико. – И почему император Иэясу решил, что это были ёкаи?

– У него сейчас во всём виноваты ёкаи, – цокнула языком Кёко. – Мы заявили к нему во дворец, а потом сбежали вместе с Хидэо. Похитили принца – так он всем сказал и в целом был не так уж и далёк от истины. А тут ещё кто-то умыкнул принцессу и сумел убить её личного Шинокаге... Честно, не думаю, что человеку это было бы по силам.

– Кто-то из прислужников Кацуми? – спросил Райдэн.

Макото покачал головой.

– Возможно, конечно. Но, зная эту стерву, она бы не упустила возможности похвастаться мне подобным. Да и зачем ей принцесса?

– Надавить на императора? Принудить его к мирным переговорам? – спросила Мико и повернулась к Ханзо. – Похитители что-то требовали?

– Нет. – Ханзо смотрел на свои сжатые кулаки. Костяшки побелели. – Шинокаге думают... Шинокаге думают, что она мертва.

– А вот это уже больше похоже на Кацуми, – хмыкнул Макото. – Поиздеваться над молодой девчонкой, наслаждаясь её криками... – Ханзо метнул в него полный холодной ярости взгляд, и Макото тут же прикусил язык и вскинул руки, будто сдаваясь. – Но я никого не слышал в темницах. Если девчонка у Кацуми, то держит она её не там.

– Разберёмся с этим позже. Пока придерживаемся плана, – сказал Райдэн. – Макото, останешься тут и поможешь Кёко. Мико...

– Мы с Ханзо идём с тобой, – отрезала Мико, прежде чем Райдэн успел договорить. Тот замолчал, задумчиво глядя на неё. Он не хотел, чтобы она шла, – Мико чувствовала это. Поход был опасным, настолько опасным, что даже сам Райдэн не был уверен, что вернётся, но именно поэтому Мико и не собиралась оставаться в стороне.

Помедлив, Райдэн кивнул.

– Хорошо. Выдвигаемся через три дня.

После завтрака все разошлись по своим делам. Райдэн с Ицуки удалились, чтобы обсудить детали маршрута, Такая занялся повязками на ранах Макото, Ханзо отправился на разведку. Мико выбралась на энгаву, чтобы попить чаю. Небо висело низкое и хмурое, обещая непогоду. Тучи быстро неслись на восток и прижимались друг к другу так плотно, что солнца за их толщей было не разглядеть. Осень опустилась на земли Истока стремительно и незаметно, как утренний туман, холода прогнали наконец летнюю жару. Гингго окрасились в золото, а клёны – в цвет крови, которой немало впитала земля с того дня, когда были сорваны печати.

– Значит, вы с Райдэном вчера обменялись душами? – Кёко плюхнулась на энгаву, свесила ноги и постучала голыми пятками о большой, поросший мхом камень. – Поздравляю!

Мико зарделась и неопределённо дёрнула плечом.

– И, похоже, занялись ещё кое-чем? – захихикала Кёко и игриво толкнула Мико локтем. – Райдэн, везучий засранец! С того момента, как ты появилась, рядом с ним стало невозможно находиться – страстью и страданиями разило за целый ри – смотреть было жалко. Небось набросился на тебя, как голодный волк.

– Он был... очень нежен. – Мико смущённо покрутила полупустую чашку, наблюдая за неторопливым хороводом чайнок на дне.

– Вот как, – хмыкнула Кёко, придвинулась ближе и заговорщически понизила голос: – В следующий раз попробуй его связать.

Мико рассмеялась и толкнула хохочущую Кёко в плечо. Та обхватила Мико за шею и прижала к себе, защекотав. Мико завизжала, вырываясь, и принялась мучить рёбра Кёко в ответ. Оказалось, что волчицы боятся щекотки не меньше людей. Катаясь по энгаве, они смеялись, пока из глаз не брызнули слёзы, а скулы не свело от напряжения. Кёко и Мико развалились, раскинув руки и стараясь отдышаться.

Пошёл дождь. Ветер забрасывал капли на энгаву и приятно охлаждал разгорячённые возней тела. Мико смотрела, как волнуется под крышей стеклянный фурин, вызванивая тонкоголосую песню ветра.

– Как ты? – спросила Мико, глядя в пустое нутро фурина.

Кёко повернула к ней голову, улыбка потускнела.

– Не знаю. Стараюсь не думать. Двигаться вперёд, пока хватает сил, и не думать.

Мико потянулась, отыскала её ладонь и сжала. Она знала, о чём именно старалась не думать Кёко: о Хидэо, о том, почему не ушла вслед за ним, о том, что никогда не сможет ответить взаимностью Такае, и много о чём ещё. И всё, что могла Мико сейчас, – быть рядом и держать её за руку. Поэтому и Кёко она не стала рассказывать о разговоре с Шином. Мико тоже решила не думать и просто идти вперёд, пока хватает сил.

Она подумает об этом, когда закончится война.

Глава 11. Глаза в темноте

Три дня пролетели в один миг. Ещё короче казались ночи, в которые Мико и Райдэн не могли насытиться друг другом и засыпали ближе к рассвету, сморённые усталостью. Плоды гинкго помогали – Мико не видела снов и, кажется, за эти три ночи выспалась больше, чем за все предшествующие недели.

Макото почти поправился – всё же ёкайская кровь брала своё, но они с Кёко так громко цапались по любому поводу, что Райдэн решил не доводить волчицу до убийства и взять Макото с собой в горы. А Ицуки остался помогать ей в Небесном городе.

Выдвинулись в дорогу на рассвете, но не смогли даже выйти из города – стоило Мико покинуть замок, её тут же окружили жители, да так плотно, что Ханзо и Райдэну пришлось оттеснять толпу – каждый хотел коснуться Мико.

– Дева Истока! Это Дева Истока! – кричали они. – Посмотрите на нас! Помогите нам! Исцелите!

– Надо вытаскивать тебя отсюда, – сказал Райдэн, достал из-за пояса веер и уже обхватил Мико за талию, чтобы унести прочь, но она его остановила.

– Мы можем задержаться ненадолго? – спросила она.

Их привели в большой, ветхий дом и усадили у очага. Райдэну и Ханзо приходилось держаться ближе к Мико, чтобы ёкаи от переизбытка чувств не разорвали её на части. На мгновение Мико показалось, что она снова очутилась в храме, полном умирающих. Ёкаи лежали на циновках, сидели у стен – их было так много, что свободного пространства в доме почти не осталось. У одних ёкаев не было рук или ног, лица и тела других были обезображены ожогами и глубокими порезами. Пока они бежали от войны, война гналась за ними по пятам и грызла их живьём. Мико боялась даже представить, что случилось с теми, кто не сумел убежать.

– Прошу вас, Дева Истока! – Женщина, на вид не отличимая от человека, упала на колени, всё её лицо покрывал розово-фиолетовый ожог. Женщину тут же оттащил в сторону крупный лысый мужчина, похожий на монаха, длинные мочки ушей его лежали на плечах, а во лбу сиял круглый третий глаз.

– Не лезь, мы госпоже ещё даже чаю не предложили, а ты уже что-то просишь!

Кто-то тут же протянул Мико глиняную чашку, полную гречневого чая. Мико с поклоном приняла угощение. Райдэн проводил чашку взглядом, в котором читалось неприкрытое подозрение, но ничего не сказал.

– Я лишь хочу попросить исцеления для моего брата! – заплакала женщина. – Он мучается от лихорадки! Его ранили и...

– Молчи, Юи! – одёрнула её старуха и продемонстрировала рот, полный клыков. – Тут всем нужна помощь! Пусть Дева Истока сама решает, кому помогать.

Мико вздохнула и обвела взглядом комнату. Десятки глаз смотрели на неё с надеждой. Наполнятся ли они гневом, когда она не сможет дать им того, что они так жаждут? Размеренное дыхание Райдэна, который сидел рядом, немного успокаивало и придавало сил. Связь между ними горела ровно, соединяя их прочной, нерушимой нитью, обещая, что Мико не останется одна.

– Я не умею исцелять, – громко сказала Мико, вскинув голову. – Я вижу сны об острове, знаю вашу боль и хожу туда, куда укажет мне Дух Истока. Но я лишь человек. Самый обычный человек, который не владеет магией, не вернёт вам утраченное и не излечит от ран.

Мико замолчала, утонув в мёртвой тишине, воцарившейся вокруг. Юи – женщина, что просила спасти брата, – не сдержалась и заплакала, закрыв лицо руками. Мико сжала в руках чашку и обвела толпу решительным взглядом.

– Но я буду сражаться за вас. За эту землю, за ваш и свой дом. Я буду биться и убивать, если потребуются. Я сделаю всё, чтобы вернуть на земли Истока мир и сберечь ваши жизни. Я верю, что люди и ёкаи могут жить бок о бок, и моя связь с Духом Истока – лучшее тому подтверждение.

Несколько бесконечно долгих ударов сердца в комнате всё ещё стояла тишина, только потрескивали поленья в очаге. Мико ожидала криков, гнева, проклятий. Она думала, что ёкаи бросятся на неё, чтобы растерзать в отместку за обманутые ожидания. Но вместо этого ёкаи опустили головы и синхронно, будто по команде поклонились. Мико опешила на мгновение, но, быстро спохватившись, склонилась в ответ.

– Нам пора, – шепнул Райдэн. Мико кивнула и поднялась с места. И когда она уже подходила к выходу, её догнала Юи и схватила за руки.

– Прошу, госпожа, – плача сказала она. – Прошу, просто взгляните на моего брата. Пусть вы не сможете ему помочь, просто... просто... – Она зарыдала, потеряв способность говорить, и Мико, сжалившись, накрыла её ладонь своей.

– Хорошо, ведите.

Юноша лежал на циновке в соседней комнате, весь в пропитанных кровью бинтах. У него не осталось ни ног, ни рук, половину лица тоже закрывали повязки. Один – небесно-голубой – глаз смотрел на Мико. Юноша дышал хрипло и надсадно, было видно, что каждый вдох причинял ему страшную боль. Если бы он не был ёкаем, то вряд ли бы пережил дорогу в Небесный город. Но – Мико видела – он не шёл на поправку, жизнь медленно покидала его.

– Огненный дракон упал прямо в наш дом, – шептала Юи. – Сота был внутри, а я в саду. Пламя волшебное, его очень тяжело потушить, а кожа отказывается заживать. Мне повезло, меня лишь слегка задело. – Она коснулась шрама на своём лице, отогнула ворот кимоно на груди брата. Из-под бинтов выглядывала покрытая волдырями кожа.

Сота захрипел, приоткрыв обожжённые губы, и Юи быстро вернула всё как было, стараясь как можно меньше касаться его.

– Всё хорошо, братик, всё хорошо. Я привела Деву Истока. Теперь всё будет хорошо.

Ничего не будет хорошо. От тела Соты исходил тошнотворный запах гноя и крови. Мико замутило, но она заставила себя улыбнуться. Она не сможет помочь ему, никто не смог бы. Но она бы очень хотела облегчить его боль.

– Ты... не пробовала разделить с ним жизнь? – зачем-то спросила Мико.

– Эта магия доступна только высшим ёкаям. Мы – простые ноппэрапоны², всё, что можем, – менять лица. В остальном мы так же слабы и никчёмны, как и люди... – Взглянув на Мико, она спохватилась: – То есть... прошу прощения, госпожа! Я не хотела вас обидеть!

² Ёкай, который днём не отличается от человека, а ночью лишается лица. Относится к ёкаям-оборотням и может воровать чужую внешность.

– Ничего страшного. – Мико перевела взгляд на Соту. Его огромный голубой глаз неотрывно смотрел на неё. Сота боялся. Он очень боялся и мучился от постоянной боли. Мико почти чувствовала её, эту боль, – она была похожа на ту, что приходила к ней во снах, когда Дух приводил её на поля сражений, когда нити туго сплетались, разрывая Мико на части. Наверняка одна такая нить связывала её и с Сотой.

Мико положила ладонь ему на лоб. Жар пробивался даже сквозь повязки. Сота хрипло застонал, а Мико вдруг увидела тонкую голубую нить, что выходила из его груди. Точно такие же оплетали её во снах. Мико моргнула, решив, что ей показалось, но нить никуда не исчезла. И тогда в голову Мико пришла странная мысль.

Протянув руку, Мико осторожно коснулась нити, и она тут же засияла ярче. Боль и ужас, что наполняли Соту, хлынули в Мико мощной приливной волной, и ей потребовалось огромных усилий, чтобы не закричать. Стиснув зубы, Мико согнулась, тяжело дыша, но не отпуская нити. Действуя по наитию, она вобрала в себя чувства Соты и взамен отдала свои. Ласку и любовь, которыми была переполнена до краёв, спокойствие и умиротворение, которые смогла отыскать для него в своём сердце. Она не могла спасти его, но могла помочь иначе. Могла забрать его боль.

Лицо Соты разгладилось, дыхание выровнялось. Он посмотрел на Юи, и на губах его появилась лёгкая улыбка. Юи улыбнулась ему в ответ.

– Спасибо, Юи, – почти беззвучно прошептал он.

Глубоко вздохнул. Воздух со свистом покинул лёгкие, грудь опала, голубой глаз закрылся, а нить, что Мико держала в руке, рассыпалась голубыми искрами и исчезла. Сердце Соты больше не билось. Юи громко всхлипнула и расплакалась, зажимая рот ладонями. Мико обессиленно привалилась к стене. Сердце болело, голова кружилась, а кожу жгло огнём, но она заставила себя улыбнуться и взять Юи за руку.

– Он очень тебя любил, Юи. И не хотел, чтобы ты плакала.

– Спасибо, – выдавила она и поклонилась. – Спасибо, что проводили Соту в последний путь, госпожа.

Мико поклонилась в ответ. Боль несчастного Соты оставила глубокий шрам на её сердце, а его взгляд – Мико знала – навсегда отпечатался в её памяти.

Райдэн, Ханзо и Макото ждали снаружи. Мико взяла Райдэна за руку, связь между ними тут же налилась теплом, а чужая боль, поселившаяся в груди, отступила. Она не исчезла, просто Райдэн забрал её себе. Ёкаи провожали их до моста, что раскинулся над пропастью и уводил прочь из города, а когда на той стороне Мико оглянулась, ёкаи всё ещё стояли там, застыв в безмолвном поклоне.

* * *

Горный хребет занимал почти весь горизонт. Слева его омывали воды залива, справа – подбирался густой лес. Красное солнце тонуло в океане, и Мико бы залюбовалась картинкой, если бы не три корабля с драконами на красных парусах и не разбитый на берегу лагерь.

– Войска императора успели добраться и сюда? – выдохнула она.

Они скрывались в тени деревьев на противоположном от лагеря краю залива.

– И похоже, здесь их никто не встречает, – ухмыльнулся Макото, поправляя повязку на глазу. – Нобу помер и север некому защищать?

– Похоже на то. – Райдэн внимательно оглядывал побережье. – Придётся обходить их через лес. Главное, чтобы нас не заметили, бой сейчас ни к чему.

Что-то хлопнуло за спиной, и все резко обернулись, хватаясь за оружие.

– А я-то думаю, чем это тут воняет. – Госпожа Рэй соткалась из сгустка чёрного тумана, полного звёзд, и мягко ступила на землю. Ханзо с Райдэном синхронно шагнули вперёд, при-

крывая собой Мико. – Старые и... новые знакомые. – Госпожа Рэй затянулась трубкой и сузила змеиные глаза. – Слышала, вы помогли осадить замок милой Кацуми. Решили ещё чем-то нам подсобить?

– *Нам?* – спросил Райдэн, а Мико ударило под дых его тревогой.

– Разумеется, я играю на стороне людей, тэнгу. Всегда любила этих милых, лысых обезьянок. – Она рассмеялась, кокетливо прикрыв рот рукавом. – Мы очень мило поболтали с юным господином, и он даже любезно выделил мне корабли.

– Юный господин? – Мико выглянула из-за спины Райдэна. – Ты ведёшь дела с Такаюки?

– Ты успела оглохнуть, пока мы не виделись, мартышка? – цыкнула госпожа Рэй. – Мой братец сказал, что вы двое, – она указала трубкой сначала на Мико, потом на Райдэна, – пощекотали ему глотку.

– Братец? Что ты несёшь, старая... – начал было Райдэн, но договорить не успел.

Трубка упала на землю, разметав пепел по траве. Кимоно на госпоже Рэй лопнуло, и она в мгновение ока вытянулась, превратившись в гигантскую чёрную змею. Ломая ветви и стволы сосен, она взмыла над деревьями, сверкнув позолотой на брюхе.

– Бежим! – крикнул Райдэн. И они сорвались с места за мгновение до того, как туда рухнуло огромное змеиное тело. Земля задрожала, покатила под ногами, окутала ступни и потащила Мико, Райдэна, Ханзо и Макото вниз с холма.

Со стороны лагеря послышался крик и удары колокола – люди подняли тревогу. Вот уж точно постарались не привлекать внимания. Мико хваталась за убегающую почву в надежде хоть немного замедлиться и вернуть себе равновесие. Откуда-то сбоку в неё со всей силы врезался Ханзо, и они кубарем откатились в сторону. Клыкастая морда Рэй впиалась в землю ровно в том месте, где мгновение назад была Мико. Затрещало дерево под весом змеиного тела, и им с Ханзо пришлось спастись ещё и от переломившейся пополам сосны.

Ханзо подхватил Мико на руки и ловко перепрыгнул ствол, ухватившись щупальцами теней за соседние деревья. Но Рэй снесла и их. Мико снова оказалась на земле и покатила вниз. Ханзо пропал из виду.

Мико налетела спиной на огромный камень с такой силой, что захрустели кости, а воздух вышибло из лёгких, но мир хотя бы перестал вращаться.

Ни Райдэна, ни Макото, ни Ханзо видно не было, только двигалось, уползая в противоположную сторону, бесконечное тело госпожи Рэй.

Кряхтя и цепляясь за камень, Мико поднялась на ноги. В голове стоял звон, перед глазами летали мушки. Мико схватилась за грудь и зажмурилась, пытаясь отыскать Райдэна, почувствовать, что он жив, но не успела. Засвистели стрелы, освещая лес и поджигая сухой настил из сосновых игл.

Мико бросилась бежать – прочь от огня и надеясь скрыться за клубами сгущающегося дыма. Мчалась сквозь обломки леса, не разбирая дороги, но стараясь двигаться по дуге в сторону воды – углубляться в лес было опасно, пламя, вызванное стрелами, разгоралось сильнее и поднималось выше по склону, треща ветками и жадно пожирая всё на своём пути.

То, что это ловушка и стрелами Мико загоняют, как дичь, она осознала лишь в тот момент, когда из-за деревьев впереди показалась группа самураев в чёрных доспехах с красным драконом на шлемах и алыми лентами на наручах. В спину Мико дышал пожар, и она замерла, выискивая путь к отступлению: побежит вверх – быстро устанет и окажется лёгкой добычей, кинется вниз – там лагерь и ещё больше врагов. Цыкнув от досады, Мико отвела левую ногу назад и положила правую ладонь на рукоять меча, готовясь выхватить клинок, как только приблизится первый противник. Их было пятеро – плохо дело, но, надеясь Мико, не смертельно. Если она будет достаточно осторожной и быстрой... то умрёт не сразу... Нет! Она не собиралась сдаваться и умирать не собиралась. Мико тряхнула головой и, наблюдая за тем,

как воины неторопливо обнажают мечи, медленно выдохнула. Спокойствия это не вернуло, но добавило решимости сердцу и уверенности руке.

Мгновения казались вечностью, каждый удар сердца – звуком гонга, Мико не двигалась, подпуская воинов ближе. Когда они подошли на расстояние двух бо, сказала:

– Я не хочу сражаться. Никому из нас не нужна эта война. Никому сегодня не нужно умирать.

Из-под рогатого шлема ближайшего самурая послышался приглушённый смех.

– Нам уже пообещали хороших наделов в этих землях, они стоят сотен жизней таких, как ты.

– Мы пришли, чтобы спасти людей от ёкаев, а не делить остров, – послышался звонкий голос за его спиной.

– Заткнись, сопляк! – гаркнул рогатый самурай. – Как ты смеешь перебивать своего командира.

– Но...

– Я кому сказал... – Он повернул голову в порыве гнева, совсем немного, чтобы не терять Мико из виду, но она не стала ждать – змеёй метнулась вперёд, выхватывая меч, и нанесла удар. Рогатый самурай попытался заблокировать её, но метила Мико не в него, а в соседа, который, стоя чуть позади своего командира, слишком расслабился. Это был удар наудачу, и он прошёл – мазнул самурая по запястью, заставляя выронить меч. Мико присела, молниеносно выбросила клинок вперёд и вверх, пронзая нижнюю челюсть и нанизывая язык и мозг на лезвие, как кусочки курицы на шпажку для якитори. Рывком развернулась вместе с телом, как щит подставляя его под меч рогатого самурая. Выдернула клинок и бросилась на следующего врага. Но третий самурай был готов, опустил меч на голову Мико так стремительно, что она едва успела выставить блок. Клинок врага раскололся, встретившись с металлом волшебного меча принцессы Эйко. Самурай схватился за вакидзаси на поясе, но не успел, Мико ударила его по колену. Он закричал, теряя равновесие, – Мико уже неслась к следующему воину.

То, что она допустила грубейшую ошибку – повернулась к рогатому самураю спиной, – Мико поняла слишком поздно. Она не увидела – почувствовала, как в неё летит его меч. Она не успевала развернуться, не успевала выставить блок.

Чёрные щупальца метнулись из темноты, и самурай за спиной Мико закричал так пронзительно и жутко, что она не решилась обернуться и посмотреть, что сделал с ним Ханзо. Звон падающего на землю меча, отчаянный крик и влажный звук разрываемой плоти ещё долго звенели у Мико в ушах.

Она ударила четвёртого самурая, но тот отскочил назад, он явно был новичок – пятились только новички – и не слишком уверенно держал меч. Это будет просто. Мико пошла в наступление, пока Ханзо, судя по ещё одному воплю ужаса, разбирался с последним врагом. Загоревшееся дерево затрещало и рухнуло, поднимая в воздух пепел и подгоняя дым. Мико закашлялась, тлеющие светлячки пепла обожгли кожу, глаза защипало – она и не заметила, что огонь успел подобраться так близко. Самурай воспользовался её замешательством и, выпрыгнув вперёд, ударил наискось. Опомившись, Мико успела скользнуть в сторону и со всей силы ударила его рукоятью меча по голове, второй рукой хватая самурая за запястье в надежде отобрать меч. Шлем слетел и покатился вниз по склону, и Мико увидела совсем молодого мальчишку, едва ли старше её самой. Удивительно... знакомого мальчишку...

Он не дал ей подумать и дёрнулся, пытаясь высвободиться. Земля поехала под ногами, и они упали. Мечи выпали из рук. Мальчишка сумел перевернуться и уселся на Мико, выхватил из ножен вакидзаси, а Мико всё не могла оторвать взгляд от знакомых черт. Где она видела эти глаза? Где?

Мальчишка замахнулся, вскинув обе руки с вакидзаси над головой, но его запястье обвило чёрное щупальце, второе нацелилось в спину – точно в сердце.

– Ханзо, стой! – что было мочи закричала Мико.
Это были глаза Хидэо.

Глава 12. Змеиная шкура

Пламя ревело, мешая сосредоточиться, заглушая мысли в голове, которые сейчас очень-очень нужно было услышать. Мальчишка дёрнулся, пытаясь вырваться из тьмы, и взгляд Мико упал на его тонкую шею, на не по размеру большой, словно с чужого плеча, доспех. Мальчишка выгнулся, зацепился лентой в высоком пучке за наплечник, лента развязалась, и длинные волосы рассыпались, обрамляя лицо и волнами ложась на плечи и закованную в доспех грудь. На левой щеке вечной слезой застыла родинка, которую так любил каждый поэт в Хиношимае.

– Принцесса Сацуки?! – воскликнула Мико.

Мальчишка – или нет? – вздрогнул, щупальце тьмы отпрянуло. Сацуки закричала и попыталась снова ударить Мико, но та резко выставила перед собой предплечье, останавливая удар, извернувшись, сумела подмять её под себя и со всей силы ударила кулаком по лицу. Сацуки попыталась отбиться ножом, но кулак прилетел снова, и она обмякла, потеряв сознание.

Мико вскочила на ноги. Вздохнула слишком глубоко, закашлялась и поспешила прикрыть нос и рот рукавом. Огонь подбирался всё ближе, дышать становилось всё тяжелее. Откуда-то снизу слышались голоса и топот – к ним бежали ещё самураи. Надо убираться, пока не поздно. Среди деревьев Мико разглядела фигуру Ханзо, который стоял так неподвижно, будто обратился в камень.

– Ты чего застыл? – крикнула ему Мико. – Хватай принцессу, и уходим!

Он будто её не понял. Стоял, то ли не в силах, то ли не решаясь пошевелиться.

– Ханзо! – гаркнула Мико, подбирая катану с земли и загоняя её обратно в ножны.

Он наконец опомнился. В мгновение ока оказался около Сацуки, подхватил её с земли и помчался вверх по склону. Мико побежала следом. Щупальца подхватили её и забросили Ханзо на спину. Перепуганная от неожиданности Мико изо всех сил обхватила его руками и ногами, надеясь, что у демонов достаточно сил, чтобы нести двоих.

* * *

Мико мерила шагами комнату замка и грызла заусенцы на пальцах. Они так и не нашли Райдэна и Макото. Огонь и самураи гнали их прочь, а неожиданная ноша в виде пропавшей принцессы делала уязвимыми. Пришлось нырять в ближайшую брешь и возвращаться в Небесный город.

– Райдэн жив, ты должна это чувствовать, – сказала Кёко, наблюдая за метаниями Мико.

Это правда, Мико чувствовала его. Пульсирующее тепло в груди, будто биение ещё одного сердца рядом с её собственным.

– Нужно его найти, отправиться в горы... Надо спросить у Ицуки, где клан...

– Они с Макото справятся вдвоём. – Кёко подошла к Мико и положила ладонь ей на плечо. – А вы с Ханзо пока разберётесь с этим, – кивнула она на спящую принцессу.

Когда Сацуки принесли в замок, она почти сразу пришла в себя и устроила истерику, вопя и бросаясь на всех и каждого, так что Кёко пришлось её скрутить, а Ицуки – насильно влить ей в горло успокаивающую настойку. Сацуки спала уже двенадцать часов, а Мико так и не смогла сомкнуть глаз, несмотря на угрозы Кёко влить отвар сонной травы и ей.

– Зачем, кстати, вы утащили принцессу? – спросила Кёко.

– Она набросилась на нас, и всё случилось так быстро, не бросать же её было в горящем лесу!

Мико села на татами и попыталась успокоиться. Кёко права, своими переживаниями она Райдэну не поможет, а если он тоже чувствует её, то ещё и заставит его беспокоиться. Мико потёрла лицо ладонями, стараясь немного прийти в себя.

– Тебе надо поспать. – Кёко погладила её по спине. – Ты выпила отвар гинкго? – Мико кивнула. – Хорошо. Я скажу Юри, чтобы подготовила тебе постель, а сама присмотрю за принцессой, годится? – Мико снова кивнула, а Кёко, улыбнувшись ей, вышла из комнаты.

Футон зашуршал, и Мико оглянулась. Сацуки отползала к стене, оглядываясь по сторонам, явно в поисках возможных путей побега.

– Принцесса, – вкрадчиво сказала Мико и развернулась к ней всем телом. – Мы не причиним вам вреда. Меня зовут Мико, я была в вашем замке...

– С тем тэнгу! – воскликнула Сацуки, выставя перед собой руку, будто пустая ладонь могла её защитить. – А потом пропал Хидэо и... Вы похитили моего брата!

– Мы не похищали его. – Мико старалась говорить спокойно и не злиться на перепуганную девчонку. – Он ушёл с нами добровольно...

– Он не мог! Он не должен был допустить, чтобы Такаюки занял трон, он бы не ушёл! Где мой брат?! Где он?!!

Прежде чем Мико успела ответить, дверь комнаты скользнула в сторону, и Сацуки перевела на неё испуганный взгляд. Страх сменился удивлением.

– Кёко?! – Сацуки вскочила с пола и бросилась к ней. Обняла и с надеждой уставилась ей в глаза. – Кёко, ты здесь? Где Хидэо? Где...

Лицо Кёко изменилось, она дёрнула головой, плечом, неловко улыбнулась и, так и не найдя слов, покачала головой.

– Болезнь забрала его, – сказала Мико, поднимаясь на ноги. Сацуки обернулась к ней, всё ещё глядя недоверчиво и враждебно. – Он исполнил их с Кёко мечту, снял печати с земель Истока, но его сердце не выдержало. Мы... ничего не смогли сделать.

Мико ждала, что после этих слов у Сацуки случится новая истерика, и на глазах у неё даже появились слёзы, но она быстро вытерла их тыльной стороной ладони и до крови закусилась нижней губу, которая предательски дрожала.

– Вот как, – голос сдавленный, бесцветный. Сацуки изо всех сил старалась сдерживать рвущиеся наружу эмоции. – А его Ш... – Она не договорила, тряхнула головой и спрятала лицо в ладонях. Кёко заключила Сацуки в объятия, и та тихонько всхлипнула.

Когда Сацуки немного успокоилась, Мико и Кёко провели её к очагу. Юри тут же разлила по чашкам горячий чай, мальчишки-акасягума притащили коробки с сахарными вагаси.

– Что случилось, Сацуки? Мы думали, тебя похитили, – спросила Кёко после того, как они с Мико в общих чертах рассказали ей обо всём, что им довелось пережить за последние месяцы.

Сацуки вздохнула и пригубила чай.

– Отец сильно изменился после вашего ухода, стал одержим ёкаями, приказал готовиться к войне, рассказал всем, что вы похитили Хидэо. И знаете, это звучало очень правдоподобно, особенно учитывая количество мёртвой стражи, которую вы умудрились оставить по всему

дворцу. – Мико удивил её укоризненный тон. Первый испуг прошел, и, похоже, обычно эта девчонка за словом в карман не лезла. – Когда печати были сняты, на Хиношиме случилось землетрясение, пришла большая волна и затопила юго-восточное побережье. Погибли сотни людей, десятки деревень разрушены.

Мико взглянула на Кёко и по скорбному выражению лица поняла, что та знала о ещё одном последствии снятия печатей.

– Отец тут же приказал войскам плыть на остров и выпустить драконов из бочек. Сказал, что потопит остров, чего бы это ему ни стоило. Но... – Сацуки сделала паузу, подбирая слова: – Две недели назад во дворец пришла эта женщина, госпожа Рэй. Ни стража, ни Шинокаге не смогли её остановить.

«Ещё бы, – подумала Мико. – Это же одна из трёх Змей, которых Ярый Бог призвал из самого Хаоса». Её белому брату в ущелье они не смогли нанести хоть сколько-нибудь существенных ран – Мико и представить себе не могла, что в рёкане имела дело с кем-то настолько же опасным и древним.

– Госпожа Рэй предложила отцу сделку. Она поможет захватить остров при условии, что никто не тронет её рёкан, а сама она после победы займёт место Хранителя, будет безраздельно править островом и держать ёкаев в узде. Сказала, что земли Истока полны золота и серебра, которым она готова будет щедро делиться с императором.

Мико вскинула брови.

– Значит, решила стать правительницей? – озвучила Кёко вопрос, который вертелся у Мико на языке. – Раньше с Хранителями ей было не совладать, но теперь, когда в игре осталась одна Кацуми, да ещё и при поддержке войск императора... Вот змея! Император согласился? Сацуки покачала головой.

– Отец отправил её восвояси, заявив, что и камня на камне не оставит от острова, а её голову и вовсе наденет на пику и выставит перед дворцом. Но, – Сацуки вскинула грустный взгляд на Кёко, – её слова заинтересовали Такаюки. Она поняла это, увидела – и я тоже. Поэтому отправила своего Шинокаге следить за братом. Госпожа Рэй явилась к Такаюки той же ночью, соблазнила своими ядовитыми речами, пообещала власть, союз, и только демоны Бездны знают, что ещё. На следующее утро отца хватил удар.

– Император мёртв? – вздрогнула Мико.

– Жив, но не может ни шевелиться, ни говорить. Об этом знают только семья, лекарь и два приближённых чиновника. Было решено скрыть его состояние, чтобы самураи не потеряли боевой дух в разгар сражений. Пока Такаюки говорит от имени отца, но, думаю, как только завершится война, он убьёт его и займёт трон. Я... – Руки Сацуки дрожали, и она крепче обхватила чашку. – Я была уверена, что это Такаюки и Рэй отравили отца, через неделю раздумий я всё же попыталась поговорить с братом, попытаться образумить, но он... – Её глаза наполнились слезами, и она снова закусил губу. – Он попытался убить меня. Накинулся в приступе ярости и стал душить. Если бы не мой Шинокаге... Сэнзо спас меня и помог сбежать. Довёл до храма Кормящей Матери на юге Гинмона. Там меня встретил Акайо – придворный писец. Оказывается, все храмы вокруг столицы соединены сетью туннелей. Их построили как раз на случай войны, чтобы жители могли спрятаться или вовсе покинуть город. Через один такой Акайо меня и вывел. Сначала я оставалась в храме неподалёку от столицы, но потом это стало опасно – меня слишком активно искали, в том числе Шинокаге.

– И тогда ты надела мужские доспехи и отправилась на войну? – тихо спросила Мико.

– Решила, что рядом со змеей меня уж точно никто не подумает искать, – пожалала плечами Сацуки.

– Умно, – хмыкнула Кёко. – Как тебе удалось это провернуть?

– Попросила Акайо о помощи, и он подкупил самурая, который очень не хотел воевать и до смерти боялся ёкаев.

– Старый лис всё ещё во дворце? – спросила Мико.

– Нет. Такаюки выгнал его сразу, как заболел отец. Он живёт в том же храме Кормящей Матери, где спрятал меня. Там, кажется, целая сотня лис, и они жутко воняют.

Мико улыбнулась, вспомнив бойких лисиц и хмурого каннуса, которые однажды приютили их.

– Подведём итог, – подала голос Кёко и принялась расставлять вагаси на поднос. – Император вне игры. – Она отодвинула надкусанную вагаси к краю. – Засранец Такаюки и Рэй спелись, чтобы заграбастать власть. – Вагаси в форме цветка сакуры и половинки персика выехали на середину подноса. – На другой стороне осталась Кацуми, её войска удерживают почти весь юго-запад. – Кёко указала на сахарную рыбку. – Но ей пришлось вызвать призрачную лису, чтобы отбить осаду, а это значит, что она сейчас не в лучшей форме. Рэй решила зайти с севера, там сейчас остался только клан тэнгу, который не будет вмешиваться, если только Райдэн их не заставит. У нас две сотни Инугами, они уложат самураев, но теперь у них есть Рэй, а если она так же сильна, как её брат, то это почти то же самое, что иметь под рукой дракона. У нас случайно нет знакомых драконов, чтобы уравнять силы?

В комнату вразвалочку вошёл Ицуки и плюхнулся на свободную подушку, обмахиваясь веером. До поздней ночи он вместе с Такаей осматривал беженцев, раздавал рис и помогал ёкаям разместиться в пустующих домах. Он дружелюбно улыбнулся Сацуки, та несмело кивнула в ответ. Посмотрев на Кёко, Ицуки бегло сложил несколько знаков пальцами.

– Что значит, «почему Ханзо прячется за дверью»? – не поняла Кёко.

Звякнула об пол и разбилась чашка – это Сацуки выронила её из рук. Зашипели поленья в очаге от попавшего в огонь чая. Сацуки перепуганно принялась собирать осколки.

– Простите, прошу меня простить, – бормотала она.

– Ничего страшного, – Кёко начала ей помогать. – Боги, Ханзо умеет напугать, даже не находясь с нами в одной комнате. Не бойся, Сацуки, этот Шинокаге...

– Он здесь? – голос Сацуки сорвался и охрип, она сжала в ладони осколок чашки, даже не замечая, как сильно тот впился в кожу.

– Да, но тебе нечего бояться... – попыталась успокоить её Кёко, а Мико вдруг вспомнила, как странно Ханзо вёл себя в лесу. Странно, по меркам Ханзо, разумеется.

За дверью завозились, до ушей Мико донёсся неразборчивый шёпот Юри и низкое рычание Ханзо. Дверь сама собой – а скорее всего, по воле Юри – распахнулась. На пороге застыл Ханзо. Юри изо всех сил дёрнула его за штанину, пытаясь втолкнуть в комнату, но не могла сдвинуть с места ни на сун³.

– Не надо бояться, – кряхтела она, краснея от натуги. – Заходи-и-и.

Сацуки резко обернулась, и они с Ханзо замерли, глядя друг на друга широко распахнутыми глазами.

– Ты жив? – выдохнула Сацуки, как будто не могла поверить своим глазам. Дрожащей рукой она прикрыла рот, с порезанной ладони на пол капала кровь, такая же красная, как и румянец на её щеках.

Ханзо в ответ кивнул и, будто опомнившись, коротко поклонился. Сацуки вскочила, но Ханзо отпрянул и исчез, растворившись в чёрном тумане. Юри, потеряв опору, упала и выдала несколько непечатных слов, которые, должно быть, подхватила от Мико. Сацуки обессиленно уронила руку, которой тянулась туда, где мгновение назад стоял Ханзо.

– Да что здесь, демоны Бездны, происходит? – воскликнула Кёко, обводя всех возмущённым взглядом.

Ей никто не ответил.

³ Сун – мера длины, равняется 3,03 см.

Глава 13. Над грозowymi облаками

С высоты полёта Райдэн увидел, как Ханзо уводит Мико с поля боя и принялся с удвоенной силой перетягивать внимание Рэй на себя. Она не отставала, явно решив закусить свеженьким тэнгу. Оттянув её достаточно далеко от Мико, Райдэн спикировал вниз, скрываясь среди деревьев. Рэй не церемонилась и ломала тонкие стволы, но всё же замедлялась и не могла толком уследить за юркой мишенью. Густой лес стал им с Макото, мелькающий силуэт которого Райдэн то и дело ловил боковым зрением, союзником. На помощь пришёл и дождь, начавшийся как раз вовремя, чтобы не дать пожару поглотить весь лес. За дождём Райдэн надеялся потеряться из виду и сбить запах, но Рэй не отставала. Плохо дело – если так пойдёт, силы закончатся, а Райдэну очень не хотелось во второй раз побывать в пасти гигантской змеи. У прошлой твари во рту жутко воняло.

Внезапно лес закончился, и Райдэн едва не упал с края обрыва, от неожиданности потеряв контроль над веером. Внизу шумела, разбиваясь о камни, полноводная река.

– Хватайся! – Райдэн протянул руку, когда Макото выскочил из леса, над которым поднялась, выискивая добычу, голова Рэй.

Макото бросился навстречу Райдэну, и тот, подхватив его, прыгнул с обрыва. Исхудавший Макото весил немногим больше Мико, и ветер, следуя за движениями веера, с лёгкостью подхватил их обоих и перенёс на противоположную сторону обрыва – на поле поникших и почерневших подсолнухов. Рэй показалась из леса вместе с ударом грома и застыла на самом краю пропасти.

– Оторвались, – выдохнул Макото, спрыгивая с рук Райдэна на землю. Он согнулся пополам, пытаясь отдышаться. Распрямившись, он засмеялся и крикнул: – Сегодня ты останешься голодной, злобная сука!

– Макото, – рыкнул на него Райдэн, который всё это время не спускал глаз со змеи, а она, высоко подняв голову, начала медленно отклоняться назад.

– Да ладно тебе, дай позлорадствовать.

– Заткнись и беги.

– Что?

– Беги!

Райдэн схватил Макото за рукав и потащил за собой, прочь от пропасти, напролом, сквозь огромное поле подсолнухов. Когда Рэй перепрыгнула, мостом растянувшись над пропастью, задрожала земля, и Макото выругался, прибавляя ходу. Райдэн оглядывался по сторонам в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы им помочь, но вокруг было только голое поле, а сил осталось так мало, что осилить полёт вдвоём до ближайшего подлеска Райдэн не сумеет. Да и если бы сумел, куда деваться дальше?

Райдэн резко остановился и развернулся.

Рэй уже полностью перебралась на другую сторону обрыва и неторопливо ползла к ним. Похоже, она тоже считала, что деваться им некуда.

– Ты чего встал? С ума сошел? – крикнул Макото, но Райдэн не обернулся.

Белому змею в ущелье он не смог нанести хоть сколько-нибудь значительных ран и не сомневался, что против Рэй и меч, и веер тоже будут бесполезны. Будь у него крылья... Райдэн крепче сжал рукоять веера, отбрасывая от себя эту мысль. Крыльев у него нет, значит, надо думать головой и обходиться без них.

– Райдэн! – снова окликнул его Макото.

Рэй приближалась, подминая под себя последние, еще не догнившие подсолнухи, чёрная безупречная чешуя блестела от дождя, а в свинцовом небе сверкали молнии, делая картину ещё более зловещей. Райдэн невольно подумал, что так и должна выглядеть неизбежная смерть. Словно в подтверждение его мыслей, молния ударила в дерево на той стороне обрыва, и оно вспыхнуло, мгновенно охваченное пламенем. По спине пробежали мурашки, ладони вспотели. Райдэн выдохнул: сколько бы сражений он ни прошёл, страх не желал покидать его, опутывал холодными щупальцами позвоночник и крепко сжимал сердце, как бы старательно Райдэн ни гнал его прочь.

– Ладно, – сказал он сам себе, взмахивая веером, чтобы почувствовать знакомую и так необходимую сейчас поддержку ветра. – Не худший день для смерти.

Обернувшись к Макото, крикнул:

– Займи её! – И взмыл ввысь.

– Чего?! Куда ты?! Райдэн! А ну вернись! Не смей меня бросать! Сукин ты сын!

Райдэн ворвался в грозное облако и замер, окружив себя плотной пеленой ветра, надёжно спрятанный от Рэй. Подняться бы ещё выше и улететь прочь, и она его не достанет. Он мог улететь. Он хотел улететь.

Райдэн закрыл глаза, прислушиваясь к себе, выживая из крови и костей золотые крупы магии, которая у него была, греясь её теплом, силой воли заставляя быстрее бежать по венам. Если случится чудо, он выживет. И этот мелкий засранец Макото – тоже. Демоны Бездны, он же мог бы просто бросить его. За всё, что он сделал.

И никогда бы себя за это не простил.

Стиснув зубы, Райдэн взмахнул веером, наполняя его магией. На эту маленькую шалость его сил должно хватить. Обязательно. Другого ответа он просто не примет.

– Даже такой никчёмный тэнгу, как ты, с этим справишься, – пробормотал Райдэн и зажмурился, заставляя тело отдать ещё больше сил, почти все, что у него были, оставив себе лишь самую малость, ровно столько, чтобы не умереть.

Веер, наполнившись магией, засветился, а тучи вокруг Райдэна сгустились, и он, оттолкнувшись от ветра, принялся кружиться, ветром сгоняя облака ближе друг к другу.

Макото внизу выбивался из сил, стараясь уйти от атак Рэй, которая, кажется, развлекалась, пытаясь схватить его пастью, при этом медленно заключая в кольцо своего тела, с каждым оборотом делая его всё меньше. Макото метался, будто зверёк в клетке, отмахивался мечом, от которого не было никакого толку, и что-то кричал. Долго он не продержится.

Сверкнула молния, и оглушительный раскат грома ударил Райдэна в спину, перетряхнул кости и внутренности. В голове засвистело, правое ухо прострелило острой болью, и оно, похоже, перестало слышать. Из последних сил закрутившись вокруг своей оси, Райдэн выхватил меч и камнем полетел вниз.

Рэй его заметила почти сразу, вскинула морду и разинула пасть, готовая проглотить добычу. Точь-в-точь, как её братец. Точь-в-точь, как надеялся Райдэн.

Остриё клинка, не способное пробить чешую, глубоко вошло в мягкую челюсть и застряло, мешая Рэй сомкнуть пасть. Райдэн оттолкнулся от её морды, поднял над головой веер, чувствуя, как дрожит от искрящейся магии всё тело, и резко ударил веером по мечу.

Молния со свистом выстрелила вниз, Райдэн отпустил веер и метнулся в сторону за мгновение до того, как ослепительный голубой заряд прошил змеиное тело. Рухнул на землю, задыхнувшись от удара. Змея выгнулась, скованная судорогой. Запахло горелым мясом, язык обуглился, по морде пошла огромная кровавая трещина, и, вздрогнув, Рэй повалилась на поле брюхом кверху.

К Райдэну подскочил Макото, обхватил руками, помогая подняться. Голова кружилась, всё тело болело и дрожало, но Райдэн всё равно – из чистого упрямства – встал.

– Ты убил её! – воскликнул Макото, глядя на Райдэна с неподдельным восхищением, которого тот уже давно не видел на его лице. – Демоны Бездны, это было потрясающе!

– Вот бы спасти мир всегда было так просто, – через боль ухмыльнулся Райдэн и заковылял к неподвижной змее. Сердце тяжело и громко колотилось, напоминая, что для такого слабака, как он, такие шутки с силами природы не проходят даром. К горлу подкатила тошнота, но Райдэн сдержался, с досадой чувствуя на языке привкус крови. Вымокшая от дождя одежда казалась неподъёмным грузом.

«Будь у меня крылья, я бы даже не вспотел».

Собрав последние силы, Райдэн выдернул обуглившийся меч из пасти Рэй и стряхнул на землю запёкшуюся кровь. Вот зараза – придётся менять рукоять, от обмотки ничего не осталось, цуба треснула, но хоть лезвие выдержало. Вот идиот, умудрился угробить меч матери так же, как угробил всю свою проклятую жизнь. У него была одна цель. Одна! И где они теперь? На грёбаной войне. Скрывая дрожь в руке, Райдэн достал из-за пазухи тэнугуи, вытер лезвие и спрятал меч в ножны. Веер сгорел дотла.

«Ну, хоть с одной тварью совладал, пусть и потратил всю силу до капли».

– Э... Райдэн, кажется, не вышло, – из-за спины послышался нерешительный голос Макото.

Сердце ухнуло в пятки, когда Райдэн поднял взгляд на Рэй и увидел широко распахнутый золотой глаз с вертикальным зрачком. И он совершенно осмысленно смотрел на Райдэна. А потом её голова дёрнулась и снова безвольно обмякла. Медленно, но Рэй приходила в себя.

Даже молния её не взяла.

– Уходим.

От мысли, что придётся снова бежать, Райдэна затошнило, но он заставил себя двигаться. Надеюсь, что потеряет сознание не раньше, чем они окажутся в безопасности.

* * *

Они спрятались в пещере за шумным водопадом, мелким, но надёжно отбивающим запах. Снаружи было спокойно, никто за ними не гнался, и Райдэн надеялся, что Рэй либо потеряла их, либо решила оставить в покое.

– Ты знаешь, что с остальными? – одними губами спросил Макото, хотя за шумом воды их бы никто не услышал.

– Ушли. – Райдэн сидел на холодном камне, прислонившись спиной к неровной стене пещеры, и изо всех сил прислушивался к Мико. Она жива, в этом не было сомнений, но связь стала ощущаться слабее, затухла, будто перешла на шёпот. Хорошо, это значит, что они с Ханзо уже очень далеко. Перед тем как разделить, Райдэн успел велеть ему спасти Мико и возвращаться в Небесный город и теперь надеялся, что Ханзо так и поступил. Грудь разрывало от тревоги, но Райдэн заставил себя выдохнуть и успокоиться.

– Значит, Рэй перешла на сторону людей? Но зачем? – Макото дрожал от холода, но развести костёр они пока не решались. Благо большинство ёкаев не боялись смерти от промокших ног, и Райдэн надеялся, что полукровки – тоже.

– Подумаем об этом потом. Сейчас главное – вернуть мой клан. – Райдэн из последних сил боролся с тяжелеющими веками. Вряд ли Макото решит прирезать его во сне, но показывать ему лишний раз свою уязвимость Райдэн не хотел.

– Ты можешь идти?

Что ж, видимо, не вышло.

– Надо немного отдохнуть. Веера у нас нет, поэтому придётся искать, как обойти пропасть. И надо держаться подальше от залива – поднимемся в горы по восточному перевалу. – Райдэн старательно вспоминал заученную карту. – Это крюк, но надеюсь, не сильно выбьемся из запланированных семи дней.

Макото стянул с плеча дорожную сумку и зарылся внутрь. Удивительно, что он не решил её сбросить во время погони.

– Припасов должно хватить на три дня. Дальше по плану была остановка в деревне?

– Отлично. Три дня – это целая жизнь. Справимся.

– Ага, если не наткнёмся ещё на какой-нибудь вражеский лагерь, – пробурчал Макото, впрочем, беззлобно.

– Да ладно, весело же было, – ухмыльнулся Райдэн и подмигнул.

– Ты же в курсе, что сейчас твоё лицо серо-зелёного цвета?

Значит, всё настолько плохо? Ну что ж, по крайней мере, правое ухо уже снова начинало различать звуки.

– Как ты собрался драться с отцом, если грозишься помереть по дороге?

Хороший вопрос. Очень хороший, Макото.

– Тебе бы ещё поучиться словам поддержки, дружище. Давай начнём с «Райдэн, у тебя всё получится. Ты самый красивый и сильный тэнгу в мире»?

– Ты придурок, Райдэн, – огрызнулся Макото. – И совсем себя не бережёшь.

– О, я думал, мы сейчас на этапе, когда ты испытываешь чувство вины за коварное предательство и поэтому не дерзишь мне и стараешься всячески угождать.

Макото закатил глаз, достал из мешка сладкую картофелину и бросил Райдэну. Тот неловко поймал её левой рукой – правая отчего-то плохо слушалась.

– Я беспокоюсь о тебе и считаю...

– Беспокоиться надо было до того, как сдал нас Хранителям ради собственной выгоды. Думал, Кацуми возьмёт тебя под тёплый бочок?

Это было грубо, жестоко и не к месту, но Райдэн не сдержался. Макото посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

– Я решил, что наша затея обречена. И что смогу получить выгодное место в клане, если отдам Кацуми то, что она так хочет, – самых разыскиваемых преступников земель Истока.

– Что ж, ты ошибся.

– Я попросил её пообещать, что тебя не тронут, – тихо сказал Макото, глядя себе под ноги.

– Как это благородно с твоей стороны. Жаль, что Кацуми такая же лгунья, как и остальные лисы.

Макото вздрогнул. Райдэн отвернулся. Разумеется, он не считал, что все кицунэ лгуны, но злость на Макото, которую он так долго сдерживал, играя в благородство, наконец вырвалась наружу и следить за языком стало невыносимо сложно. И – боги – он так устал.

– Я никогда не лгал тебе, – сказал Макото ещё тише, так что сквозь звон в правом ухе Райдэн его почти не расслышал. – С того дня, как ты спас меня, Райдэн, и навсегда ты стал для меня всем. Большим, чем ты даже можешь представить. Я никогда, слышишь, никогда не говорил тебе ни слова лжи. Чего нельзя сказать о тебе.

– Так в твоём предательстве я виноват? – Райдэн посмотрел на него с насмешкой, за которой прятал болезненный укол совести. В словах Макото была правда. Он врал, что всё под контролем, когда у самого земля уходила из-под ног.

– Я хотел тебя проучить, да, хотел избавиться от Мико, чтобы она больше не морочила тебе голову. Ты же влюбился, как последний дурак... – Заметив темнеющий взгляд Райдэна, Макото печально вздохнул и отвернулся. – Ты не смотрел на меня, не слышал меня, а я по-прежнему видел только тебя. У меня никогда не было друзей. А когда появилась Мико, я остался совсем один.

– А как же Кёко? Ицуки? Шин?

– Это твои друзья, Райдэн. Кёко меня на дух не переносит. Остальные бы тоже знаясь не стали, если бы не ты. В общем, что я хочу сказать, – Макото глубоко вдохнул, собираясь с мыслями, – не знаю, что я хочу сказать. Что я дурак. И я знаю, что ты никогда меня не простишь, но я всё равно буду стараться твоё прощение заслужить. К тому же Мико обещала меня убить, если я ещё раз напортачу.

Он грустно усмехнулся. Райдэн хмыкнул и прикрыл глаза, стараясь поудобнее устроиться у стены.

– Теперь я могу спать спокойно. Эту женщину лучше не злить, – с улыбкой пробормотал он, не в силах больше бороться с отяжелевшими веками.

– Мне стоило понять это раньше. Ошибочно принял её за слабого человека.

– Иногда, Макото, люди гораздо сильнее нас.

Конец фразы прозвучал совсем тихо, растворившись в шуме водопада и темноте, которая наконец настигла Райдэна и укутала в смоляной кокон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.